
LORIN DEATH

Lorin Death

Моррис Град: Чёрная корона. Книга единственная: Начало

https://litres.ru/74858987
SelfPub; 2026

Аннотация

Альказак — город, из которого больше нельзя уйти. В ночь Фиолетовой Луны его двери закрылись изнутри, мир начал рваться по швам, и удержало его только пламя, которое до рассвета держал на крыше один человек. Девушка с разными глазами очнулась в тёплом пепле на границе. Вместо прошлого у неё было одно слово — имя. Её назовут Чёрной королевой. Она будет играть в шахматы с лидером «Детей ночи», которого весь город зовёт просто Король, и хранить находку из Чёрного леса за Ледяными землями. Находка говорит ласковым голосом и обещает, что выбор есть всегда. Это история о короне, которую нельзя уничтожить, и о трёх чёрных пистолетах, убивающих навсегда. О девочке, рождённой в мире, где дети не рождаются. О брате и сестре, которые ищут друг друга по разные стороны тени. О далёком Мелвелдиле, где чужая свадьба оборачивается разломом между мирами. О слепом человеке, который однажды узнал, кто построил этот город, и о женщине, которая пришла в него ночью, через окно ноутбука, и не смогла уйти...

Содержание

Пролог. Ночь Фиолетовой Луны 4
Часть первая. Пепел 18
Глава 1. Девушка из пепла 18
Глава 2. Обитель тьмы 32
Глава 3. Мальчик на крыше 44
Глава 4. Чёрный лес 57
Глава 5. Дитя бага 70
Часть вторая. Зеркала 83
Глава 6. Зеркало в библиотеке 83
Глава 7. Максим 91
Глава 8. Подопытный номер десять 101
Глава 9. Мэлма 109
Глава 10. Марк 119
Глава 11. Антон 127
Глава 12. Станислав 134
Глава 13. Утконос 143
Часть третья. Лорды тьмы 151
Глава 14. Высокая Темница 151
Глава 15. Фрактал в Дэстри 163
Конец ознакомительного фрагмента. 164

Lorin Death
Моррис Град: Чёрная корона. Книга единственная: Начало

Пролог. Ночь Фиолетовой Луны

Велес потом много раз пытался вспомнить, с чего всё началось, и каждый раз приходил к одному и тому же: с тишины.

В Альказаке никогда не бывало тихо. Даже ночью город скрипел, звенел, ругался, стучал ставнями. На арене кто-то добивал последнего противника под свист трибун. В тавернах Нижнего города спорили о ставках и о том, чей клан сильнее. Над крышами кружили вороны, у фонтана болтали новички, только что выбравшиеся из тёплой воды после первой своей смерти, и кто-то обязательно смеялся, потому что смерть здесь была делом привычным и почти смешным. Тридцать секунд, голубое окно, мокрые сапоги. Ничего страшного.

А в ту ночь город замолчал.

Велес стоял на северной стене, у старой сторожевой баш-

ни, и слушал, как тишина ползёт по улицам. Она начиналась где-то в центре, у площади, и расходилась кругами, как от камня, брошенного в воду. Сначала стихли таверны. Потом арена. Потом перестали кричать вороны. Последним умолк фонтан, и вот это было по-настоящему страшно: за все годы, что Велес помнил эту площадь, вода в чаше не останавливалась ни разу.

— Ты слышишь? — спросила Вайт.

Она сидела на зубце стены, поджав ноги, белая от макушки до кончика пушистого хвоста, и в темноте казалась пятном снега, которое забыли убрать. Голос у неё был спокойный. Это и выдавало её сильнее всего: когда Вайт было по-настоящему страшно, она говорила так, будто заказывала чай.

— Слышу, — ответил Велес. — Ничего не слышу.

— Вот именно.

Он поднял голову.

Над Альказаком висела луна. Обычная, белёсая, чуть надкушенная с одного края, какой она была здесь всегда, сколько он себя помнил в этом мире. Алзи никогда не утруждал себя тем, чтобы менять фазы как следует. «Людям не нужна астрономия, — говорил он, — людям нужна лампа». И луна висела лампой, одной и той же, ночь за ночью.

Только сейчас по её краю ползла тонкая фиолетовая трещина.

Велес смотрел на неё и не сразу понял, что видит. Сначала

решил, что это облако. Потом — что у него что-то с глазами, усталость, слишком много ночей на стене. Потом трещина раскрылась шире, и из неё на луну, как вино на скатерть, потёк цвет.

Фиолетовый. Густой, тёмный, почти чёрный по краям и нестерпимо яркий в середине. Он растекался по белому диску, заполнял его, и луна наливалась этим цветом, как наливается кровью синяк.

— Вайт, — сказал Велес.

— Вижу.

— Это Алзи?

Она не ответила. Это тоже был ответ.

* * *

Потом стало светло.

Не как днём. Днём свет ложится сверху и делает вещи понятными. Этот свет шёл отовсюду сразу: из-под мостовой, из стен, из воздуха между домами. Фиолетовый, ровный, без тени. Велес посмотрел на свою руку и увидел её всю, до последней морщинки на костяшках, и в то же время не увидел ничего, потому что рука была того же цвета, что и камень под ней, и воздух вокруг, и небо. Мир стал плоским, как рисунок на стекле.

А потом рисунок пошёл трещинами.

Первым он увидел дом у подножия башни. Старый, двух-

этажный, с покосившейся вывеской сапожника. Дом стоял, как стоял всегда, а потом его край, угол крыши, просто перестал быть. Не обрушился, не сгорел. Исчез, как исчезает слово, которое стёрли с доски. На его месте остался квадрат пустоты, ровный, с идеальными краями, и в этой пустоте мерцали мелкие белые искры, похожие на снег, который падает вверх.

Квадрат был не один. Они появлялись везде. На стенах, на крышах, на мостовой. Одни маленькие, с ладонь, другие размером с телегу. Город покрывался ими, как старая картина покрывается сеткой кракелюра, и каждая клетка этой сетки гасла.

Внизу закричали люди.

Тишина кончилась сразу, будто её прорвали. Крик поднялся над Альказаком один, общий, без слов. Велес слышал в нём всё: страх, непонимание, и ещё что-то, от чего у него свело желудок. Удивление. Люди кричали так, как кричат, когда с ними происходит что-то, чего не может происходить. Как кричат во сне, когда понимают, что не могут проснуться.

— Они не уходят, — сказала Вайт. Она стояла уже на ногах, хвост вытянут в струну. — Велес, они не уходят.

Он знал, о чём она. Каждый, кто пришёл в Альказак из другого мира, мог уйти. Закрыть глаза, сосредоточиться на чём-то, что ждёт его там, по ту сторону, на запахе кофе, на голосе матери, на тяжести одеяла, и проснуться. Велес видел это тысячи раз. Человек моргает, лицо у него на миг стано-

вится пустым, а потом он тает, и на мостовой остаётся только чуть тёплое пятно. Утром или вечером он возвращается. Так устроено.

Сейчас люди внизу закрывали глаза. Он видел это с высоты стены: сотни лиц, запрокинутых к фиолетовой луне, сотни зажмуренных век. И никто не таял.

Они открывали глаза снова и снова, и смотрели на свои руки, и снова закрывали. Кто-то бил себя по щекам. Кто-то сел прямо на мостовую и стал раскачиваться. Женщина у колодца кричала одно и то же имя, детское, короткое, кричала в небо, как будто ребёнок был там, наверху, за луной.

— Двери закрыли, — тихо сказал Велес. — Кто-то закрыл двери.

Он не знал, откуда пришла эта мысль. Она просто легла на язык, тяжёлая и точная. И Вайт посмотрела на него так, что он понял: она думает то же самое.

* * *

Велес спрыгнул со стены, не дожидаясь лестницы.

Он упал на мостовую, перекатился и побежал раньше, чем успел подумать, куда. Квадраты пустоты вспыхивали вокруг, и он огибал их, как огибают ямы, не глядя. Одна клетка раскрылась прямо перед ним, на уровне груди, и он увидел внутри неё не тьму, а комнату. Обычную комнату, белую, с ровным светом сверху и металлическим столом. На столе лежал

человек. Над человеком наклонялся кто-то в маске. А потом клетка погасла, и снова был фиолетовый камень, и улица, и бегущие люди.

Велес не остановился. Он запомнил эту комнату на всю жизнь, но тогда не остановился.

Вайт бежала рядом, легко, почти не касаясь камня, и белый хвост её светился в фиолетовом мареве, как фонарь.

— Площадь, — бросила она.

— Знаю.

Фонтан стоял, как стоял. Огромная чаша из белого камня, и над ней две статуи, спиной к спине: он и она. Велес с мечом, опущенным остриём к воде. Вайт с поднятой ладонью, как будто останавливает кого-то, кто идёт навстречу. Алзи поставил их сюда в первый же год и смеялся, когда Велес возмущался. «Ты бессмертный, — говорил он. — Привыкай, что на тебя будут смотреть».

Вода в чаше стояла. Гладкая, неподвижная, как стекло, и в ней отражалась фиолетовая луна.

А вокруг фонтана лежали люди.

Велес не сразу понял, что они живые. Они лежали так, как лежат те, кто только что умер и ждёт тридцать секунд, и над каждым висело голубое окно. Он видел эти окна тысячи раз. «До воскрешения: 30 секунд». Цифры, которые бегут вниз. Сейчас цифры стояли. Над каждым лежащим, над всеми сразу, в сотне голубых окон, горело одно и то же: «До воскрешения: —».

Прочерк.

Велес присел над ближайшим. Мальчишка, совсем молодой, из новичков, с нашивкой клана на плече, Велес даже помнил его в лицо. Глаза открыты. Губы шевелятся. Живой. Мёртвый. Ни то, ни другое.

— Велес.

Он обернулся.

На краю чаши стоял Алзи.

* * *

Он не был похож на бога. Велес вообще ни разу не видел, чтобы Алзи был похож на бога, разве что в те редкие минуты, когда он злился, а злился он редко. Обычно это был просто человек в длинном фиолетовом одеянии с капюшоном, худой, сутулый, с длинными пальцами, которыми он всё время что-то крутил: монету, перо, кусочек мела. Лица его под капюшоном Велес почти не помнил. Помнил голос, мягкий, усталый, и привычку говорить так, будто он уже давно знает ответ и просто ждёт, когда ты сам до него дойдёшь.

Сейчас пальцы у него не двигались.

— Это не я, — сказал Алзи раньше, чем Велес успел спросить. — Это снаружи.

— Что снаружи?

— Всё. — Алзи посмотрел на луну. — Они закрыли выход. Там, у себя. Кто-то решил, что так будет лучше. Или

дешевле. Или безопаснее. Я не знаю, Велес. Я только вижу, что двери больше нет.

— Сколько их здесь?

— Всех, кто был внутри в эту минуту. — Алзи помолчал. — Много. Очень много. И мир не рассчитан на то, чтобы его не покидали.

Квадрат пустоты вспыхнул у самой чаши, отрезав кусок мостовой вместе с лежащей на нём девушкой. Девушка не закричала. Она просто перестала быть, и прочерк над ней погас вместе с ней.

Вайт тихо, сквозь зубы, выругалась. Велес никогда раньше не слышал, чтобы она ругалась.

— Его рвёт, — сказал Алзи, и голос у него впервые дрогнул. — Понимаешь? Мир был сделан, чтобы в нём гостили. Приходили и уходили. Теперь все остались, и он не выдерживает их веса. Он начинает стирать лишнее. Он не злой. Он просто не знает, что делать.

— А ты знаешь?

Алзи долго не отвечал. Капюшон его был повёрнут к северу, туда, где за крышами, за стеной, за Ледяными землями начиналась темнота.

— Я знаю, что держит, — сказал он наконец. — Одну вещь. Я положил её туда давно, на самый крайний случай, и надеялся, что она мне не понадобится.

— Что за вещь?

— Огонь.

* * *

Велес увидел его через минуту.

С севера, со стороны старых клановых замков, над крышами поднялось пламя. Не рыжее, не красное, как горят дома. Фиолетовое, того же цвета, что и луна, но живое. Луна была плоской и мёртвой, а это пламя двигалось, дышало, тянулось вверх длинными языками и опадало обратно. Оно не жгло. Велес понял это сразу, как только первая волна прокатилась по площади и накрыла фонтан. Он ждал жара, а пришло тепло, как от печки в холодный вечер. Пламя обтекло его, обтекло Вайт, лизнуло лежащих людей, и над мальчишкой с нашивкой клана голубое окно мигнуло.

Прочерк исчез. Появилась цифра.

«До воскрешения: 30 секунд».

Цифры побежали вниз.

Двадцать девять. Двадцать восемь.

Велес поднял голову. Пламя шло по городу, по улицам, по крышам, и там, где оно проходило, квадраты пустоты затягивались. Не все. Не сразу. Некоторые оставались зиять, и в них так и мерцали белые искры. Но клетки переставали расти. Мир, который рвался по швам, вдруг будто вспомнил, как держать себя в руках.

— Адское пламя, — сказала Вайт. Она смотрела на огонь так, как смотрят на дикого зверя, который почему-то не на-

падает. — Алзи. Это же Адское пламя.

— Да.

— Ты сам говорил, что оно…

— Я говорил, что оно опасно. — Алзи наконец пошевелил пальцами, сжал их в кулак и разжал. — Оно и есть опасное. Оно чужое этому миру, оно ломает его законы. Оно как болезнь, Вайт. Но сейчас мир болен сильнее, и только болезнь может его удержать. Яд против яда. Понимаешь?

Мальчишка у фонтана вздрогнул. Тело его стало прозрачным, растаяло, и через миг он вынырнул из воды, мокрый, ошалевший, захлёбывающийся, живой. Вода в чаше снова побежала, переливаясь из верхней чаши в нижнюю, тихо, мерно, как ни в чём не бывало.

Вслед за мальчишкой из воды стали подниматься другие. Десятки. Сотни. Они выбирались на мостовую, кашляли, плакали, хватали друг друга за руки. Кто-то смеялся тем страшным смехом, каким смеются люди, у которых внутри что-то сломалось.

Велес стоял посреди этого и смотрел на север, на фиолетовое зарево над старыми замками.

— Кто его держит? — спросил он. — Пламя. Кто-то же должен его держать.

Алзи не ответил. А Велес увидел.

* * *

На крыше дальнего дома, на самом краю, стоял человек.

Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо. Велес видел только силуэт: чёрные волосы, тёмный плащ, раскинутые руки. Пламя шло из него. Не от него, не вокруг него — из него, из ладоней, из груди, как будто он был не человеком, а трещиной, через которую огонь пробивался в этот мир из какого-то другого места. Человек стоял, раскинув руки, и не двигался, и Велес вдруг понял, что ему больно. Так стоят люди, которые держат на себе что-то слишком тяжёлое и знают: если опустить руки хоть на секунду, оно рухнет и придавит всех.

— Кто это? — спросил Велес.

— Человек, — тихо сказал Алзи. — Просто человек из клана. Любит сидеть по ночам на крышах и смотреть на город. Огонь выбрал его. Я не выбирал.

— Он выдержит?

— Не знаю.

Пламя полыхнуло последний раз, высоко, до самой луны. На миг Велесу показалось, что оно лизнуло её фиолетовый край и луна отшатнулась. Потом огонь опал. Человек на крыше качнулся и исчез из виду, упал за конёк, и Велес так никогда и не узнал, сам он спрыгнул или его сбило.

Стало темно. Обычная ночь, обычные звёзды. Луна висела над Альказаком, и она больше не была белой. Она осталась фиолетовой, тусклой, будто выцветшей, и с тех пор, сколько Велес ни смотрел на неё, она такой и оставалась.

* * *

Утром они считали.

Велес шёл с Вайт по городу и записывал. Улица за улицей. Дом за домом. Клетки пустоты, которые не затянулись. Люди, которые не поднялись из фонтана. Кланы, у которых не стало замков. Списки росли, и он перестал понимать, сколько страниц уже исписал, и только в какой-то момент заметил, что рука у него дрожит так, что буквы налезают друг на друга.

На окраине, там, где город упирался в старую дорогу на север, они нашли место, куда пламя не дошло. Целый квартал, вырезанный из мира ровным квадратом. На его месте была пустошь, белая, гладкая, без пыли, без камня, без ничего. Только в самой середине, как одинокий зуб, торчал обломок стены с остатком окна.

— Здесь жили, — сказала Вайт.

— Я знаю. — Велес смотрел на окно. — Я тут пил чай. Позавчера.

Они постояли и пошли дальше.

К полудню Алзи собрал их у фонтана. Он сидел на краю чаши, опустив руку в воду, и вода обтекала его пальцы. Капюшон был откинут, и Велес впервые за много лет увидел его лицо. Обычное лицо. Очень уставшее. Глаза странного, светлого, почти розового оттенка, покрасневшие, как у че-

ловека, который не спал несколько суток.

— Я сделал вас хранителями, — сказал Алзи. — Тебя и тебя. Давно, когда мне казалось, что это просто красивое слово. Теперь это не слово. Двери закрыты, и никто не знает, откроются ли они. Люди останутся здесь. Будут жить. Будут любить. Будут, наверное, рожать детей, хотя этот мир не знает, что такое дети. Будут умирать по-настоящему, потому что мир теперь настоящий. И будут бояться. Особенно огня.

— Огонь их спас, — сказал Велес.

— Огонь их спас, — согласился Алзи. — И огонь их убьёт, если выпустить его из рук. Я хочу, чтобы вы двое запомнили эту ночь. Не потому что она страшная. Потому что будет хуже.

— Откуда ты знаешь?

Алзи посмотрел на него своими розовыми глазами, и Велесу на миг показалось, что этот взгляд идёт откуда-то очень издалека, из другой комнаты, белой, с металлическим столом.

— Я не знаю, — сказал он. — Я просто давно живу.

* * *

Вечером Велес поднялся на северную стену один.

Луна висела над городом, тусклая и фиолетовая. Ветер с Ледяных земель пах снегом и гарью. Где-то внизу, в Нижнем городе, впервые за сутки заиграла скрипка, неуверенно,

фальшиво, и кто-то рассмеялся, и кто-то крикнул, чтобы заткнулись, и кто-то ответил, чтобы заткнулся сам. Город возвращался. Не весь. Но возвращался.

Велес смотрел на север, туда, где за крышами чернели силуэты старых замков. Один из них, самый дальний, с острыми башнями и обломанным шпилем, стоял тёмный, без единого огонька. Обитель тьмы. Клан, о котором говорили вполголоса.

На его стене, у самого края, что-то светилось.

Маленькая точка фиолетового огня. Она не горела, как факел, не мигала, как свеча. Она просто была, ровная и тихая, как уголёк в остывшем очаге, который отказывается гаснуть.

Велес смотрел на неё долго. Потом точка исчезла, и он так и не понял, погасла она или кто-то накрыл её ладонью.

Он ещё не знал, что через много лет увидит этот огонь снова. И что тогда никакого фонтана уже не хватит.

Часть первая. Пепел

Глава 1. Девушка из пепла

Я никому не покажу эти страницы.

Говорю это сразу, чтобы потом не было соблазна притворяться. Летописи пишут для других: для потомков, для учеников, для тех, кто однажды откроет толстую книгу в библиотеке и захочет знать, как всё было. Я пишу для себя. Потому что если не запишу, то однажды забуду, а забывать мне больше нельзя. Я уже забывала. Я знаю, сколько это стоит.

Мне сказали, что в начале летописи принято называть своё имя. Хорошо.

Меня звали Лорелин. Теперь зовут иначе, короче, и об этом я тоже напишу, но позже, в самом конце. А начать придётся с пепла, потому что пепел — первое, что я помню.

* * *

Он был тёплым.

Вот что я почувствовала раньше всего остального, раньше боли, раньше страха: тепло. Я лежала лицом вниз, и щекой, и губами, и ладонями ощущала мягкое, сухое, похожее на муку. Оно грело, как грела бы постель, из которой только

что встал кто-то другой. Я долго лежала так и не хотела шевелиться, потому что пока я не шевелилась, ничего не нужно было понимать.

Потом я вдохнула, и пепел попал в горло.

Я кашляла долго, до слёз, до рвоты, перевернувшись на бок и подтянув колени к груди. Пепел был везде: во рту, в носу, в волосах, под ногтями. Когда кашель отпустил, я села, и мир вокруг медленно собрался из серых пятен в картину.

Пустошь. Ровная, серая, до самого горизонта. Ни дерева, ни травы, ни камня. Только пепел, и в нём кое-где торчали чёрные обломки, острые, похожие на рёбра огромного зверя, который лёг здесь умирать. Небо над пустошью было низкое, белёсое, и в нём, прямо надо мной, висела луна. Днём. Тусклая, бледно-фиолетовая, как старый синяк.

Я смотрела на неё и не знала, почему мне страшно.

Встань.

Я не знала, чей это голос. Наверное, мой. Я встала.

Ноги были босые. На мне было платье, тёмное, длинное, порванное у подола, в разводах сажи, и я смотрела на него, как на чужое. Я не помнила, чтобы надевала его. Я не помнила, чтобы вообще что-то надевала. Я попробовала вспомнить, где я была вчера, и наткнулась на стену. Не на темноту, нет. Темноту можно разогнать, в ней можно нащупать что-то. Это была именно стена, гладкая, ровная, без щелей. За ней что-то было, я знала это так же точно, как знала, что у меня две руки. Но стена не пускала.

Я попробовала вспомнить своё имя. Стена.

Своё лицо. Стена.

Мать. Отца. Дом. Город, улицу, цвет обоев в комнате, где я спала. Что я любила есть. Как звучал мой собственный смех.

Стена. Стена. Стена.

Я села обратно в пепел, потому что ноги перестали держать, и долго сидела, обхватив колени. Я не плакала. Слёзы уже были, от кашля, и больше не шли. Внутри было пусто и ровно, как в этой пустоши, и только где-то очень глубоко, под самым сердцем, тлело что-то маленькое и горячее.

* * *

Окно появилось, когда я подняла руку, чтобы убрать волосы с лица.

Оно просто возникло перед глазами, прозрачное, голубоватое, с ровными краями, и висело в воздухе, чуть подрагивая. Я отшатнулась, и окно отшатнулось вместе со мной, оставаясь на том же расстоянии. Я замерла. Оно замерло тоже.

На окне были буквы.

«Лорелин».

И ниже, мельче, цифры и слова, которые я тогда не понимала: уровень, клан, место возрождения. Напротив клана стоял прочерк. Напротив места возрождения — тоже.

Я смотрела на это слово долго. Лорелин. Произносила его губами, без звука. Ло-ре-лин. Оно было как чужая одежда, которая почему-то пришлась впору. Я не узнавала его. Но когда я сказала его вслух, тихо, хрипло, в пустоту, что-то за стеной шевельнулось. Не открылось. Просто шевельнулось, как шевелится во сне человек, которого позвали по имени.

— Лорелин, — повторила я.

Ничего. Ветер прошёлся по пустоши и поднял пепел.

Я коснулась окна пальцами, и оно пропало. Я испугалась, что оно больше не появится, что я потеряла даже это, одно-единственное слово, и подняла руку снова. Окно вернулось. Лорелин. Прочерк. Прочерк.

Значит, имя у меня было. Больше не было ничего, но имя было.

С этого я и начала.

* * *

Я пошла туда, где обломки торчали гуще. Не знаю, почему именно туда. Может быть, потому что всё остальное было одинаково серым, а обломки хотя бы чем-то отличались друг от друга.

Чем ближе я подходила, тем больше понимала, что это не кости. Это стены. Остатки стен, обугленные, оплавленные по краям, как свеча. Кое-где ещё угадывались проёмы окон. Здесь был дом. Или много домов. Или целый город, и пу-

стошь вокруг была не пустошью, а тем, что от него осталось.

У одного обломка, высокого, почти в мой рост, я остановилась. На нём, на самом верху, где камень уцелел лучше, был вырезан знак. Круг, перечёркнутый двумя линиями. Я не знала, что он значит. Но рука моя сама поднялась и обвела его пальцем, как обводят знакомую букву, и пальцу было привычно.

— Ты здесь жила? — спросила я сама себя.

Стена в голове молчала.

За обломком лежало тело.

Я увидела сначала руку, торчащую из пепла, серую, с растопыренными пальцами, и отступила. Потом заставила себя подойти. Это был мужчина, немолодой, в остатках доспеха. Он лежал на спине, и лицо его было спокойным, почти довольным, как у человека, который прилёг отдохнуть. Над ним висело такое же голубое окно, как у меня, только тусклее, и на нём было написано имя, которое я не смогла прочитать, потому что буквы расплывались. А ниже — прочерк. И ещё ниже, совсем мелко: «Нет места возрождения».

Я не понимала, что это значит. Но поняла, что он не встанет.

Я присела рядом и долго смотрела на его лицо. Мне казалось, что я должна что-то сделать. Закрыть ему глаза, наверное. Так ведь делают? Я не помнила, откуда это знаю, но знала. Я протянула руку и закрыла ему глаза, и веки под пальцами были холодные, а пепел вокруг него — тёплый.

— Прости, — сказала я, сама не зная, за что.

Тело под моей ладонью стало прозрачным и рассыпалось. Не в прах, не в пепел. В свет. Мелкие белые искры поднялись вверх, как снег, который падает в небо, и растаяли. Окно над ним мигнуло и погасло.

Я сидела над пустым местом в пепле и дрожала. А тепло под сердцем, маленькое и горячее, стало чуть больше.

* * *

Вороны прилетели к вечеру.

Я к тому времени устала так, что уже не шла, а брела, загребая пепел босыми ногами. Ступни болели, хотя я не видела на них ни одной раны. Хотелось пить. Хотелось есть. Хотелось лечь и больше не вставать, но я боялась, что если лягу, то стану такой же, как тот мужчина в доспехе: спокойной, прозрачной, белыми искрами.

Сначала я услышала их. Хриплое, отрывистое карканье откуда-то сверху, и хлопанье крыльев. Потом увидела. Они кружили надо мной, чёрные на белёсом небе, десяток, может, больше. Опускались ниже с каждым кругом. Я остановилась и смотрела на них, задрав голову, и мне не было страшно. Это было странно: мёртвый человек напугал меня, пустошь напугала, собственное имя напугало, а эти большие чёрные птицы с тяжёлыми клювами — нет.

Один ворон сел на обломок стены рядом со мной. Близко,

на расстоянии вытянутой руки. Склонил голову набок и посмотрел на меня чёрным блестящим глазом.

— Привет, — сказала я.

Ворон каркнул. Тихо, почти вопросительно.

Я протянула руку. Не знаю, зачем. Он мог клюнуть меня, мог улететь. Он не сделал ни того, ни другого. Он перебрался с обломка на моё запястье, тяжёлый, с острыми когтями, которые впились в кожу, но не до крови. И замер.

Остальные опустились вокруг. На пепел, на обломки, на мои плечи. Один сел мне на голову, и я засмеялась, впервые за этот день, хрипло и некрасиво. Они были тёплые. Перья пахли дымом.

Свои, — подумала я. И сама не поняла, откуда эта мысль.

Тогда, конечно, я не знала, что однажды стану ими. Что смогу рассыпаться в стаю и собраться обратно, видеть их глазами, лететь их крыльями. Я просто сидела в пепле, облепленная воронами, и мне впервые за весь день было не одиноко.

Так меня и нашёл Йфрайт.

* * *

Он пришёл пешком, один, без факела, хотя уже темнело. Высокий, худой, в длинном сером плаще, с коротко остриженной седой головой. Шёл медленно, глядя под ноги, и пепел поднимался за ним лёгкими облачками. Я заметила его,

когда он был уже близко, потому что вороны вдруг разом повернули головы в одну сторону.

Он остановился шагах в десяти и долго смотрел на меня.

Я тоже смотрела. У него было узкое лицо с глубокими складками у рта, светлые, почти бесцветные глаза и руки, которые он держал на виду, раскрытыми ладонями вперёд, как держат руки перед испуганным зверем.

— Не бойся, — сказал он.

Голос был низкий, спокойный, чуть хриплый. Он сказал это не так, как говорят ребёнку. Так говорят равному, которому сейчас плохо.

— Я не боюсь, — ответила я.

Это была неправда. Он знал, что неправда. Он кивнул, будто я сказала что-то разумное.

— Меня зовут Йфрайт, — сказал он. — Я из клана. Вон оттуда. — Он махнул рукой куда-то назад, за горизонт. — Мы ищем выживших. Ты одна?

— С ними, — сказала я и показала глазами на воронов.

Он посмотрел на птиц. Что-то промелькнуло в его лице, быстро, я не успела понять что. Потом он сделал шаг вперёд, осторожно, и вороны не взлетели. Ещё шаг. Ещё. Он подошёл совсем близко и присел на корточки, так что наши глаза оказались на одном уровне.

И тогда я увидела, как он смотрит на мои глаза. Сначала на левый. Потом на правый. И снова на правый. Долго.

— Что? — спросила я.

— Ничего. — Он помолчал. — У тебя очень красивые глаза. Разные.

Я не знала. Я не видела себя ни разу за весь этот день. Я не знала даже, какого цвета у меня волосы, пока не поднесла прядь к лицу: чёрные, как перья у моих воронов, и спутанные, и серые от пепла.

— Какие? — спросила я.

— Левый тёмный. Почти чёрный. А правый… — Он запнулся. — Фиолетовый. Как луна.

Я посмотрела на луну. Она висела в небе, уже почти ночном, тусклая и больная. И тепло под моим сердцем сжалось, как сжимается кулак.

— Я не хочу, как луна, — сказала я.

— Знаю, — тихо ответил Йфрайт. — Никто теперь не хочет. Как тебя зовут?

Я подняла руку. Окно появилось. Он не посмотрел на него, хотя я знала, что он мог: окна видели все, кто стоял рядом. Он смотрел на меня и ждал, пока я скажу сама.

— Лорелин, — сказала я.

— Лорелин, — повторил он медленно, будто пробуя на вкус. — Красиво. Откуда ты, Лорелин?

— Не знаю.

— Что ты помнишь?

— Пепел.

Он помолчал. Потом очень осторожно протянул руку и стряхнул с моего плеча хлопья серой пыли. Ворон на плече

недовольно каркнул и перебрался выше, на голову, к своему товарищу.

— После той ночи многие ничего не помнят, — сказал Йфрайт. — Это пройдёт. Или не пройдёт. Но жить можно и так. Пойдём со мной.

— Куда?

— Домой.

Я хотела сказать, что у меня нет дома. Что я даже не знаю, был ли он когда-нибудь. Но он уже встал и протянул мне руку, и рука была сухая, тёплая, в старых мозолях. И я взяла её.

* * *

Мы шли долго, почти всю ночь. Вороны летели за нами, то обгоняя, то отставая, и время от времени кто-то из них садился мне на плечо передохнуть. Йфрайт не возражал. Он вообще мало говорил. Только однажды, когда я споткнулась и упала коленями в пепел, он остановился, помог мне встать и сказал:

— Здесь был город. Маленький, на границе. Пламя до него не дошло.

— Какое пламя?

Он посмотрел на меня странно.

— Ты правда не помнишь?

— Нет.

— Той ночью, когда луна… — Он помолчал, подбирая

слова. — Мир начал рваться. Ты не видела этого?

— Не помню.

— Тогда пришло пламя. Фиолетовое. Оно держало мир, пока он не перестал рваться. Где оно прошло, там люди выжили. Где не прошло — вот. — Он обвёл рукой пустошь. — Вот так.

Я посмотрела на пепел под ногами. На обломки. На ровную серую линию горизонта. И тепло под сердцем шевельнулось, и мне вдруг стало так стыдно, что я не смогла поднять глаза. Я не знала, за что стыдно. Я ничего не помнила. Но мне было стыдно, как бывает стыдно человеку, который опоздал, хотя мог прийти вовремя.

— А почему я здесь? — спросила я. — Если пламя сюда не дошло. Если все здесь… Почему я живая?

Йфрайт долго молчал.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Ты лежала в самом центре. Там, где пепел был тёплым. Я шёл на тепло.

Больше мы не говорили до самого утра.

* * *

Замок я увидела на рассвете.

Он вырос из тумана на краю пустоши, чёрный, острый, будто вырезанный из ночи и забытый в утре. Башни, много башен, разной высоты, и все они тянулись вверх, к белёсому небу, и самая высокая была обломана наверху, как сломан-

ный клык. Стены поросли чем-то тёмным, и только подойдя ближе, я поняла, что это плющ. Чёрный плющ с тёмно-фиолетовыми прожилками, который обвивал камень от самой земли до бойниц.

Над воротами висел знак. Круг, перечёркнутый двумя линиями.

Я остановилась.

— Это… — начала я и не договорила.

— Обитель тьмы, — сказал Йфрайт. — Мой клан. Был моим, по крайней мере. Теперь, наверное, наш.

— Я видела этот знак. Там, в пепле. На стене.

Он кивнул, не удивившись.

— Мы были везде. Наши заставы стояли по всей границе. — Он помолчал. — От некоторых ничего не осталось.

Ворота открылись сами, медленно, без скрипа. За ними был двор, мощёный тёмным камнем, и в нём стояли люди. Немного. Десятка два, может, три. Измученные, с грязными лицами, в обгоревшей одежде. Они смотрели на меня молча, и я смотрела на них, и никто не говорил ни слова.

Потом из толпы вышла девушка. Невысокая, круглолицая, с копной рыжевато-русых волос, перехваченных лентой, и с колодой карт в руке. Она подошла ко мне, совсем близко, и заглянула в лицо. Сначала в левый глаз. Потом в правый.

— Ой, — сказала она. — Ой, какая.

— Миюми, — устало сказал Йфрайт.

— Да я ничего! — Она отступила на шаг и улыбнулась

мне, и улыбка у неё была такая, будто мы были знакомы сто лет. — Я просто. Ну. Ты красивая. Ты голодная? Ты наверняка голодная. Пойдём, там суп. Он плохой, но горячий.

Я посмотрела на Йфрайта. Он кивнул.

— Иди, — сказал он. — Тебе нужно поесть и поспать. Остальное потом.

И я пошла за Миюми через тёмный двор, мимо молчаливых людей, мимо стен, увитых чёрным плющом. Вороны остались на зубцах ворот. Я оглянулась на них один раз, и они смотрели мне вслед, все разом, чёрными блестящими глазами.

* * *

Той ночью, первой ночью в Обители, я не спала.

Мне дали комнату, маленькую, с узкой кроватью и окном, выходящим на пустошь. Я сидела на кровати, завернувшись в одеяло, и смотрела в окно, на фиолетовую луну, и пыталась пробить стену.

Я била в неё по-всякому. Вспоминала запахи. Звуки. Пыталась представить чьё-то лицо, любое, хоть одно. Мать, у меня ведь должна была быть мать. Отец. Кто-то, кто держал меня на руках, когда я была маленькой, кто учил меня ходить, кто ругал меня, кто целовал меня на ночь.

Ничего.

Только один раз, уже под утро, когда я почти задремала,

сидя, привалившись к холодной стене, мне показалось, что за стеной кто-то тихо мурлычет мелодию. Без слов. Просто мотив, несколько нот, вверх и вниз, как колыбельная, которую поют, не думая, когда руки заняты чем-то другим.

Я вскинулась и прислушалась. Тишина. Только ветер за окном и далёкое карканье.

Я так и не вспомнила тогда, чей это был голос. Я вспомнила это очень нескоро, и лучше бы, наверное, не вспоминала вовсе.

Но в ту ночь я ещё ничего не знала. Я была просто девушкой из пепла, с разными глазами и одним-единственным словом вместо прошлого. И тепло под сердцем, маленькое, горячее, тлело ровно, не разгораясь и не угасая, и мне казалось, что оно ждёт.

Теперь я знаю, чего.

Глава 2. Обитель тьмы

Первую зиму я училась жить заново.

Звучит красиво, но на деле это было унизительно. Я не умела ничего. Не знала, как зажигать лампы в коридорах, хотя для этого достаточно было коснуться стекла и подумать о свете. Не знала, что окно с именем можно развернуть шире и там будут другие окна, с вещами, с умениями, с какими-то странными полосками, которые то росли, то убывали. Не знала, что еда здесь бывает настоящая и ненастоящая, и что от ненастоящей сытость проходит через час. Миюми смеялась надо мной, но так, что не было обидно. Она вообще умела смеяться так, будто смеётся вместе с тобой, даже когда смеялась над тобой.

— Ты как новичок, — говорила она, раскладывая карты на подоконнике моей комнаты. — Только новички обычно хоть что-то помнят. Откуда пришли. Как там у них. А ты как будто родилась прямо здесь, в пепле. Взрослая уже.

— Может, так и есть, — сказала я однажды.

Она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло что-то, чего я тогда не поняла. Потом она перевернула карту. На карте была нарисована женщина в короне, сидящая на троне спиной к зрителю, так что лица не было видно, только чёрные волосы.

— Хм, — сказала Миюми.

— Что это значит?

— Ничего. — Она быстро смешала колоду. — Карты врут. Всегда. Это я тебе как гадалка говорю.

* * *

Обитель тьмы была огромной и почти пустой.

До Фиолетовой Луны, рассказывал Йфрайт, в клане было больше тысячи человек. Заставы на границе, отряды в Ледяных землях, торговцы, маги, кузнецы. Замок гудел, как улей. В большом зале по вечерам играли музыку, в библиотеке не протолкнуться было от учеников, а на тренировочном дворе с утра до ночи звенели клинки. Теперь нас было сорок три. Я пересчитывала их несколько раз, как пересчитывают монеты, которых слишком мало, и каждый раз выходило сорок три.

Мы занимали только одно крыло, восточное, ближе к кухням. Остальное стояло пустым и холодным. Я бродила по нему, когда не могла уснуть, а не могла уснуть я часто. Длинные галереи с высокими стрельчатыми окнами, сквозь которые падал фиолетовый лунный свет. Комнаты, где на столах ещё лежали недописанные письма, а на спинках стульев висели плащи. Детская, хотя Йфрайт говорил, что детей здесь не было никогда, потому что мир не умел их рождать, — просто кто-то из клана когда-то устроил комнату с игрушками, на память о том, другом мире, откуда все приходили.

Деревянная лошадка. Тряпичная кукла с пуговицами вместо глаз. Я долго стояла над этой куклой, и стена в голове не шевельнулась.

Однажды, в самом дальнем конце северной галереи, я нашла дверь, которую не смогла открыть.

Тяжёлая, дубовая, окованная чёрным железом. Без ручки, без замочной скважины. Я толкнула её, и она не поддалась. Я положила на неё ладонь, и дерево под рукой было тёплым. Не тёплым, как бывает тёплым дерево в натопленной комнате. Тёплым изнутри, как кожа.

Я отдёрнула руку.

— Это Сердце, — сказал Йфрайт, когда я спросила его. Мы сидели в его кабинете, маленьком, заставленном книгами до потолка, и он чинил пряжку на перевязи, щурясь при свете лампы. — Туда пока нельзя.

— Почему?

— Потому что ты не готова.

— А кто готов?

Он отложил пряжку и посмотрел на меня поверх очков. Очки у него были смешные, круглые, в тонкой оправе, и он надевал их, только когда работал руками.

— Хозяин замка, — сказал он. — Каждый замок клана живой, Лорелин. У него есть сердце. Оно знает тех, кто в нём живёт, и тех, кто им правит. Сердце Обители впустит только того, кого само выберет.

— Тебя оно выбрало?

— Когда-то. — Он снова взялся за пряжку. — Сейчас, наверное, уже нет. Я старый, и я не уберёг людей. Замки этого не прощают.

Я не знала, что ответить. Я смотрела на его руки, сухие, с выступающими венами, и думала о том, что он нашёл меня в пепле. Шёл на тепло. И что кроме меня он, наверное, искал ещё многих, и не нашёл.

— Ты уберёг меня, — сказала я.

Он не поднял головы. Но пальцы его на пряжке на миг замерли.

* * *

Учить меня взялся Мельциар.

Я его побаивалась. Он был огромный, на голову выше Йфрайта и вдвое шире, и никогда не снимал доспехов. Чёрные латы, тяжёлые, с узором из переплетённых шипов на наплечниках, и шлем с узкой щелью для глаз. За всю первую зиму я ни разу не видела его лица. Говорил он мало и глухо, будто из бочки.

— Ты слабая, — сказал он на первой тренировке, когда я в пятый раз уронила деревянный меч.

— Знаю.

— Это не упрёк. Это факт. Слабость лечится.

— Чем?

— Временем. И синяками.

Синяков было много. Мельциар не жалел меня, но и не бил всерьёз. Он гонял меня по тренировочному двору с рассвета до обеда, учил держать клинок, учил падать, учил вставать, и снова падать, и снова вставать. Меч у меня не шёл. Руки были не те, плечи не те, что-то во мне сопротивлялось железу, как вода сопротивляется маслу. Через месяц Мельциар остановил тренировку, опустил свой клинок и долго молча смотрел на меня сквозь щель шлема.

— Не твоё, — сказал он наконец.

— Я стараюсь.

— Я вижу. Не твоё всё равно. — Он помолчал. — Йфрайт говорит, ты пришла с воронами.

— Они сами пришли.

— Птицы никогда не приходят сами. — Мельциар убрал клинок в ножны, и сталь тихо прошуршала. — Пойдём.

Он отвёл меня на северную стену, на самый верх, где ветер с пустоши бил в лицо так, что слезились глаза. Вороны сидели на зубцах. Они жили здесь с того первого дня, кормились на кухне, где их подкармливала старая повариха, и каждое утро встречали меня карканьем, когда я выходила во двор.

— Позови их, — сказал Мельциар.

— Как?

— Не знаю. Это твоя магия, не моя. Я рыцарь. Я умею резать.

Я стояла на ветру и смотрела на воронов. Они смотрели на меня. Я не знала, что делать. Я протянула руку, как в тот

первый день, в пепле, и один ворон перелетел ко мне на запястье, но это было не то, я чувствовала, что не то. Мельциар ждал. Я закрыла глаза.

Свои, — подумала я, как тогда.

И тепло под сердцем шевельнулось.

Это было странное ощущение. Будто внутри меня кто-то повернул ключ. Тепло выросло, хлынуло вверх, к горлу, к глазам, и одновременно вниз, к пальцам, и я вдруг увидела стену сверху. Себя на стене, маленькую, с закрытыми глазами и вытянутой рукой. Мельциара рядом, огромного, чёрного. Двор внизу. Крыши. Пустошь до горизонта. Я видела всё это сразу, с десятка сторон, и не могла понять, где я, потому что я была везде.

Потом меня затошнило, я открыла глаза и упала на колени.

Мельциар не помог мне встать. Он стоял и смотрел, и я не видела его лица, но мне показалось, что он улыбается.

— Вот, — сказал он. — Это твоё.

* * *

К весне я научилась видеть глазами воронов, не теряя себя. К лету — летать с ними. Не в теле, нет. Тогда ещё нет. Просто быть в них, в каждом по чуть-чуть, и смотреть, как под крыльями плывёт пустошь, как блестит вдали река, как на юге, далеко, у самого края мира, поднимаются над тума-

ном башни Альказака.

Я подолгу смотрела на город. Мне было любопытно и страшно. Йфрайт ездил туда раз в месяц, на заседания Совета, и всякий раз возвращался мрачнее, чем уезжал. Говорил мало. Но кое-что я узнавала от Миюми, которая узнавала всё от всех.

— В городе неспокойно, — рассказывала она, когда мы сидели на кухне вечером и пили чай из больших глиняных кружек. — Люди до сих пор не верят, что не могут уйти. Кто-то сходит с ума. Кто-то кидается с башен, думает, если умрёт по-настоящему, то проснётся там. Не просыпаются. Фонтан их поднимает, они снова кидаются. Говорят, одна женщина кинулась сорок раз.

— А потом?

— А потом перестала. — Миюми пожала плечами. — Устала, наверное.

Я молчала. За окном стемнело, и луна поднялась над пустошью, фиолетовая, тусклая.

— А ещё говорят, — Миюми понизила голос, хотя на кухне никого, кроме нас, не было, — что фонтан теперь поднимает не всех.

— Как это?

— Ну. Раньше поднимал всех. Любого, кто умер в городе. А теперь только тех, у кого есть знак клана. Метка. Вот тут. — Она коснулась своего плеча, где под рукавом, я знала, была вытатуирована маленькая метка Обители, круг, пе-

речёркнутый двумя линиями. — Будто миру теперь нужно знать, кому ты принадлежишь. Кто за тебя отвечает. Если ни за кого, то… — Она развела руками.

Я посмотрела на своё плечо. Метки там не было. Йфрайт так и не предложил мне её поставить, а я не спрашивала.

— Значит, если я умру…

— Ты не умрёшь. — Миюми схватила меня за руку, неожиданно крепко. — Слышишь? Ты не умрёшь. Ты из Обители. Ты наша. Мы тебе метку сделаем, хоть завтра. Я Йфрайта уговорю.

— Не надо, — сказала я.

— Почему?

Я не знала, почему. Я просто чувствовала, что не надо. Что если меня пометят, то это будет неправда. Как подпись на чужом письме.

— Потом, — сказала я. — Когда пойму, чья я.

Миюми долго смотрела на меня. Потом отпустила мою руку и отхлебнула чаю.

— Ты странная, — сказала она. — Хорошая. Но странная.

* * *

О «Детях ночи» я впервые услышала той же осенью.

Это был соседний клан, большой, сильный, один из немногих, кто почти не пострадал в ночь Фиолетовой Луны. Их замок стоял к востоку от нас, в предгорьях, за лесом, и

был, говорили, красивее всех замков в мире: белый камень и тёмные орхидеи, которые росли прямо из стен. У них был лидер, которого все называли просто Король. Не по имени. Просто Король.

— Почему? — спросила я Миюми.

— А кто его знает. — Она зевнула. — Так повелось. Он сильный, у него Чёрная магия. Говорят, тогда, в ту ночь, он…

Она замолчала.

— Что он?

— Да ничего. Слухи. — Она махнула рукой. — Говорят, это он держал пламя. Там, в городе. Стоял на крыше и держал. Но мало ли что говорят. Про Йфрайта тоже говорят, что он ест младенцев на завтрак. А младенцев тут вообще нет.

Я засмеялась. А потом, ночью, лёжа в своей узкой кровати, долго смотрела в потолок и думала о человеке, который стоял на крыше и держал пламя. И тепло под сердцем тихо, едва заметно, пульсировало в такт моим мыслям.

* * *

Он приехал в Обитель зимой, ровно через год после того, как меня нашли в пепле.

Я не знала, что он приедет. Йфрайт никому не говорил. Просто однажды утром во дворе вдруг стало людно, и шумно, и пахло лошадьми и снегом, и я, выглянув из окна, уви-

дела внизу всадников. Человек десять, в тёмных плащах, на вороных конях. Впереди, на самом высоком коне, сидел мужчина без шлема. Чёрные волосы, не короткие и не длинные, растрёпанные ветром. Плащ, подбитый мехом. Больше я ничего не разглядела, потому что он спешился и пошёл к крыльцу, где его встречал Йфрайт.

Они обнялись. Коротко, по-мужски, похлопав друг друга по спине. Я видела, как Йфрайт что-то сказал ему на ухо, и он засмеялся, откинув голову. Смех долетел до моего окна, низкий, хрипловатый, и я вдруг поняла, что стою, вцепившись в подоконник так, что побелели пальцы.

Я не знала, почему. Я видела этого человека впервые.

Стена, — подумала я. *Там, за стеной.*

Ничего не шевельнулось.

Он поднял голову. Посмотрел прямо на моё окно, на третий этаж восточного крыла, будто знал, что я там стою. Я отшатнулась, и мне стало стыдно, как пойманной на подглядывании девчонке. Когда я снова выглянула, во дворе уже никого не было.

* * *

Нас представили вечером.

Йфрайт устроил ужин в малом зале, первый за весь год, с настоящими свечами, с вином, с жареной олениной, которую привезли гости. Нас, обитательских, было за столом че-

ловек десять, остальные ели на кухне. Миюми сидела рядом со мной и всё время толкала меня локтем, шепча что-то про гостей, но я не слышала. Я смотрела на него.

Вблизи он оказался моложе, чем мне показалось из окна. Лет сорок, может, чуть меньше. Узкое лицо, высокие скулы, тёмные брови. Глаза карие, тёплые, с морщинками в уголках, как у человека, который много смеётся. Только смеялся он за весь ужин мало. Больше слушал Йфрайта, кивал, изредка что-то спрашивал. И время от времени, задумавшись, начинал тихо мурлыкать себе под нос. Без слов. Просто мотив, несколько нот, вверх и вниз.

Я уронила вилку.

Звон был громкий, неприличный, все обернулись. Миюми хихикнула. Йфрайт поднял бровь. А он замолчал, перестал мурлыкать и посмотрел на меня через стол. Долго. Внимательно. Сначала в левый глаз. Потом в правый.

— Это Лорелин, — сказал Йфрайт. — Я рассказывал тебе. Мы нашли её в пепле на границе.

— Помню, — сказал Король. Голос у него был негромкий. — Здравствуй, Лорелин.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Разные глаза, — сказал он. Не спросил. Просто сказал, как будто отметил что-то для себя.

— Да.

— Красиво.

Он отвернулся и заговорил с Йфрайтом о чём-то другом,

о дорогах через лес, о каких-то стычках на границе Ледяных земель. А я сидела, глядя в свою тарелку, и сердце колотилось так, что было больно. И тепло под ним, впервые за этот год, не тлело ровно, а горело. Жгло. Как будто кто-то поднёс к углю пучок сухой травы.

Я не спала и эту ночь. Сидела у окна и смотрела на гостевое крыло, где до самого утра горел свет в одном окне.

Мне тогда казалось, что это начало какой-то истории. Я ещё не знала, что это начало конца.

Глава 3. Мальчик на крыше

Он стал приезжать часто.

Сначала раз в месяц, вместе с Йфрайтом из города, после заседаний Совета. Потом чаще, без всякого повода. Привозил вино, книги, однажды привёз целую телегу саженцев для замкового сада, который стоял мёртвым с той самой ночи. «Орхидеи, — сказал он, спрыгивая с козел. — У нас их столько, что девать некуда. Пусть у вас тоже цветут». Орхидеи у нас не прижились. Земля Обители была слишком холодной, слишком пропитанной пеплом. Они почернели за неделю, и я думала, что он расстроится, но он только посмотрел на почерневшие стебли и сказал: «Ну и ладно. Значит, будут чёрные». И весной они действительно расцвели, чёрные, с тёмно-фиолетовыми сердцевинами, и цвели потом все годы, что стоял замок.

Йфрайт относился к его визитам спокойно. Миюми — с жадным любопытством. Мельциар — с молчаливой неприязнью, которую не трудился скрывать.

— Зачем он ездит? — спросил Мельциар однажды, когда мы стояли на стене и смотрели, как всадники «Детей ночи» выезжают из ворот.

— Он друг Йфрайта.

— Йфрайт ездит в город. Там они и видятся. — Мельциар помолчал. — Он ездит сюда.

— И что?

Шлем повернулся ко мне. Щель для глаз была чёрной.

— Ничего, — сказал он и ушёл.

Я долго стояла одна и думала, что он имел в виду. А потом поняла и покраснела так, что щёки горели на ветру. И разозлилась. Потому что это было неправдой. Король смотрел на меня не так. Я не знала, как он на меня смотрел, но точно не так.

* * *

В тот день он предложил мне поехать в город.

Мы сидели в библиотеке, втроём с Йфрайтом, и спорили о картах Ледяных земель. Точнее, спорили они, а я слушала и смотрела в окно. Король вдруг замолчал посреди фразы, повернулся ко мне и спросил:

— Ты была в Алькказаке?

— Нет.

— Ни разу?

— Я видела его. Глазами воронов. Сверху.

Он засмеялся, коротко.

— Сверху он красивый. А внутри… Внутри тоже красивый, только по-другому. Поедем?

Я посмотрела на Йфрайта. Тот снял очки и потёр переносицу.

— Поезжай, — сказал он. — Тебе давно пора.

* * *

Город оглушил меня.

Я привыкла к тишине Обители, к гулким коридорам, к ветру над пустошью. А здесь было шумно, людно, тесно. Улицы, узкие, кривые, мощённые серым камнем, разбегались во все стороны, и на каждой кто-то кричал, торговал, смеялся, ругался. Пахло жареным мясом, лошадиным навозом, дымом, пряностями. Над головой хлопало бельё на верёвках. Из открытых дверей таверн неслась музыка. Дети… нет, детей не было. Тогда ещё не было. Были взрослые, которые бегали по улицам, как дети, потому что больше не знали, что им делать.

Король шёл рядом, держа коней под уздцы, и показывал мне город так, как показывают свой дом. Вот рынок. Вот арена, там по вечерам бои, можно посмотреть, если не боишься крови. Вот квартал магов, туда лучше не ходить без дела. Вот северная стена, оттуда виден весь город. Вот площадь.

Фонтан я узнала сразу, хотя никогда его не видела. Огромная чаша из белого камня, и в ней две статуи, спиной к спине. Мужчина с мечом, опущенным к воде. Женщина с поднятой рукой. Вода текла по их плечам, по складкам одежды, и капала в чашу с тихим звоном.

— Велес и Вайт, — сказал Король. — Хранители. Бессмертные, говорят. Я с Велесом пью иногда. Хороший му-

жик. Скучный немного, но хороший.

— Они живые?

— Статуи? Нет. — Он улыбнулся. — Хранители — да. Ходят тут где-то. Велес обычно на северной стене торчит. Смотрит на луну, будто она ему что-то должна.

Я смотрела на воду. На дне чаши лежали монетки, сотни, может, тысячи. Медные, серебряные, кое-где золотые.

— Зачем их бросают?

— Чтобы вернуться. — Король пожал плечами. — Старая привычка. Из того мира. Там тоже был такой обычай, у фонтанов. Бросишь монету — вернёшься. Только здесь все и так возвращаются. Через тридцать секунд, мокрые. — Он помолчал. — Кроме тех, у кого нет метки.

Я невольно коснулась своего плеча. Он заметил.

— У тебя нет?

— Нет.

Он долго смотрел на меня. Потом полез в карман, достал медную монетку и протянул мне.

— Брось.

— Зачем?

— На всякий случай.

Я взяла монету. Она была тёплая от его руки. Я подошла к краю чаши, подержала её над водой, и вдруг почувствовала, что не хочу. Не хочу бросать. Хочу оставить. Глупо, по-детски. Я сжала монету в кулаке и спрятала в карман, и обернулась, и он стоял и смотрел на меня, и в глазах у него было

что-то, от чего мне стало трудно дышать.

— Ладно, — сказал он тихо. — Так тоже можно.

* * *

Он привёл меня к старой башне на окраине, у самой западной стены.

Башня была невысокая, круглая, сложенная из тёмного кирпича, с покатой черепичной крышей. Вокруг рос сад, запущенный, заросший, с кривыми яблонями и кустами шиповника. На крыльце сидела женщина.

Немолодая, седая, в простом сером платье, она чистила яблоки маленьким ножом и складывала очистки в подол. Когда мы вошли в калитку, она подняла голову и долго смотрела на Короля, будто не узнавая. Потом отложила нож.

— Явился, — сказала она.

— Привет, мам.

— «Привет, мам». — Она покачала головой. — Полгода не был. Полгода.

— Был занят.

— Все заняты. — Она встала, высыпала очистки в траву и посмотрела на меня. Глаза у неё были светлые, выцветшие, и в них не было ни любопытства, ни подозрения. Только усталость. — А это кто?

— Лорелин. Из Обители.

— Из Обители, — повторила она. И долго смотрела на

меня. На лицо. На волосы. На глаза, сначала на левый, потом на правый. Я начинала привыкать к тому, что все так смотрят. — Ты похожа на кого-то.

— На кого? — спросила я.

Она моргнула, будто очнулась.

— Не знаю. Старая я. Мне все кажутся на кого-то похожими. — Она махнула рукой на дверь. — Заходите. Яблоки есть. Больше ничего нет, но яблоки есть.

Её звали Оди. Мы просидели у неё до вечера, пили травяной чай, ели печёные яблоки с мёдом. Она почти не говорила со мной, больше ворчала на сына: что он не бережёт себя, что связался с этой своей Чёрной магией, что у него круги под глазами, что он похудел. Он отшучивался, лениво, ласково, и я видела, что ему хорошо здесь, в этой маленькой кухне с низким потолком и пучками трав над очагом, хорошо так, как не бывает хорошо нигде больше.

Когда стемнело, он встал и сказал:

— Пойдём. Покажу кое-что.

* * *

Мы поднялись на крышу по узкой деревянной лестнице, через люк в потолке чердака. Черепица была старая, тёплая от дневного солнца, кое-где поросшая мхом. Король сел на конёк, свесив ноги, и похлопал рядом с собой. Я села.

Город лежал внизу, весь, от края до края. Огни таверн.

Факелы на стенах. Тёмная громада арены. Площадь с фонтаном, и вода в нём блестела под фиолетовой луной. Над всем этим висело небо, огромное, звёздное, и где-то далеко, на севере, за городской стеной, угадывались чёрные зубцы гор.

— Я тут вырос, — сказал Король.

— Здесь?

— Ну, не совсем вырос. — Он усмехнулся. — Мы с мамой пришли сюда, когда мне было лет тринадцать. Ещё тогда, давно, когда двери были открыты и можно было уходить. Там, в том мире, у нас было… не очень. А здесь была башня, и сад, и крыша. Мы приходили почти каждый день. Мама варила яблоки. А я сидел здесь.

— Один?

— Нет. — Он помолчал. — С другом.

Я ждала. Он долго смотрел на город, и пальцы его, лежавшие на черепице, медленно постукивали по ней, отбивая какой-то ритм.

— Его звали Листаф, — сказал он наконец. — Странный был парень. Волосы зелёные. Ну, такие тут у многих, это просто краска в окне выбирается. Но у него были… — Он поморщился, подбирая слово. — Настоящие. Как трава. И глаза голубые, очень светлые. Он всегда сидел вот тут, где ты сейчас. И мы разговаривали. Обо всём. О том мире, о этом. О том, кем станем, когда вырастем. Он хотел стать путешественником. Говорил, что миров много, не два, а очень много, и между ними есть дороги, и он их найдёт. Все до одной.

— Нашёл?

— Не знаю. — Король пожал плечами. — Однажды он просто перестал приходить. Я ждал его тут каждый вечер. Месяц, два. Потом перестал ждать.

Он замолчал. Внизу, на площади, кто-то засмеялся, громко, пьяно, и смех долетел до нас, искажённый расстоянием.

— Знаешь, что он мне говорил? — спросил Король вдруг. — Однажды. Я тогда поссорился с матерью, сильно, сидел тут злой, а он пришёл и сел рядом, вот как ты. И ничего не сказал. Просто обнял меня. Неловко, по-мальчишески, за плечи. А потом сказал: «Знаешь, когда мы обнимаем кого-то, мы отдаём ему частицу своей души. Маленькую. Совсем крошечную. Но она остаётся там навсегда».

Я молчала. Тепло под сердцем горело ровно, сильно, и мне казалось, что он может его почувствовать, если протянет руку.

— Я тогда посмеялся над ним, — сказал Король. — Сказал, что это глупость. Девчачья. А он не обиделся. Он сказал: «Вот увидишь». И ушёл.

— И ты увидел?

Он повернулся ко мне. В свете фиолетовой луны его глаза казались не карими, а почти чёрными.

— Увидел, — сказал он. — В ту ночь. Когда пламя пошло. Я стоял на крыше, другой, там, ближе к центру, и держал его, и мне казалось, что я сгорю. Что меня просто не станет, как не стало домов в квадратах. И я подумал о нём. О Листафе.

О том, как он обнял меня здесь, на этой крыше. И мне стало легче. Как будто кусочек его души, который он тогда оставил, держал меня изнутри.

Я не знала, что сказать. Я смотрела на него, на его профиль на фоне звёзд, и мне было страшно, потому что я понимала: он говорит мне то, что не говорил никому.

— Почему ты мне это рассказываешь? — спросила я.

Он долго не отвечал. Потом посмотрел на меня, и на этот раз не в левый глаз и не в правый, а просто на меня, на всё лицо.

— Не знаю, — сказал он. — Правда не знаю. Ты… Мне кажется, тебе можно.

* * *

Мы спустились с крыши за полночь. Оди уже спала, и мы ушли тихо, прикрыв за собой калитку. Король проводил меня до гостиницы у северных ворот, где мы должны были ночевать, и у дверей остановился.

— Завтра поедем к нам, — сказал он. — В замок. Хочу, чтобы ты увидела.

— Зачем?

— Чтобы ты знала, что есть место, куда можно прийти. — Он помолчал. — Если что-то случится. С Обителью. С Йфрайтом. С тобой.

— Ничего не случится.

— Знаю. — Он улыбнулся. — Всё равно.

* * *

Замок «Детей ночи» стоял в предгорьях, на высоком холме над рекой, и был таким, как о нём говорили: белым. Белый камень, гладкий, почти светящийся в утреннем солнце. Изящные башни, тонкие, с острыми шпилями. Галереи с арками. И орхидеи. Они росли прямо из стен, из трещин в камне, из щелей между плитами двора, тёмно-лиловые, бархатные, огромные, и пахли так, что кружилась голова.

Нас встречали.

У ворот стояла женщина в серебристом доспехе стража. Высокая, светловолосая, с прямой спиной и спокойным лицом. Когда Король подъехал, она шагнула вперёд, и он спрыгнул с коня и обнял её. Иначе, чем Йфрайта. Бережно. Будто боялся сломать.

— Ника, — сказал он. — Это Лорелин.

Ника посмотрела на меня. Глаза у неё были серые, внимательные, и в них не было ничего, кроме вежливого интереса. Она кивнула.

— Здравствуй. Слышала про тебя.

— Здравствуйте.

— Не «вы». — Она улыбнулась, впервые. — Мне всего тридцать.

Рядом с ней стоял мужчина. Невысокий, плотный, с ко-

роткими тёмными волосами и аккуратной бородкой. Лицо открытое, улыбчивое, глаза светлые, весёлые. Он протянул мне руку.

— Апостол, — сказал он. — Заместитель этого вот. — Кивок на Короля. — Друг детства. Нянька. Совесть. Кто угодно.

— Совесть у меня своя есть, — сказал Король.

— Ага. Где-то лежит. В шкафу. Пыльная. — Апостол подмигнул мне. — Не слушай его. Он врёт.

Я пожала его руку. Ладонь была широкая, тёплая, сухая. Он задержал мою руку чуть дольше, чем нужно, и посмотрел на меня, на левый глаз, потом на правый, и что-то в его весёлом взгляде на миг стало другим. Острым. Потом прошло.

— Добро пожаловать к «Детям ночи», — сказал он.

* * *

Позже, вечером, когда мы сидели в большом зале у огромного камина, я увидела, как Король смотрит на Нику. Она стояла у окна, разговаривала с кем-то из рыцарей, и смеялась, откинув голову. А он сидел в кресле у огня и смотрел на неё. Просто смотрел. И лицо у него было такое, что мне захотелось отвернуться, будто я подсмотрела что-то, не предназначенное для чужих глаз.

Апостол тоже смотрел на неё. Я заметила это не сразу. Он сидел в другом конце зала, с кубком вина, и разговаривал с высоким седым рыцарем в простой кольчуге. И время от

времени поворачивал голову к окну. Коротко. Быстро. Будто проверял, на месте ли она.

Седой рыцарь, с которым он разговаривал, заметил мой взгляд и улыбнулся мне через весь зал. Улыбка у него была добрая, немного виноватая, как у человека, который извиняется за то, что занимает место.

— Знахарь, — сказал Король, проследив за моим взглядом. — Лучший человек в этом замке. Лучше меня. Лечит всех, кто попросит. Даже тех, кто не просит.

— Почему Знахарь?

— Потому что лечит. — Король улыбнулся. — У него есть имя, но его никто не помнит. Даже он сам, кажется. Его невеста зовёт его по имени, а все остальные — Знахарем.

— У него есть невеста?

— Кнопочка. — Король засмеялся. — То есть Анастасия, конечно. Травница. Живёт в лесу, в доме, который сама вырастила из дерева. Живого. Прямо из ствола. Знахарь ездит к ней каждую неделю, возвращается с полной сумкой трав и дурацкой улыбкой. Она его, по-моему, приворожила.

— Это можно?

— Здесь всё можно, — сказал Король. И перестал улыбаться. — Почти всё.

Он снова посмотрел на Нику, стоявшую у окна. И я увидела, как в глубине его карих глаз на миг вспыхнуло что-то красное. Мелькнуло и погасло, как искра, вылетевшая из камина.

Мне показалось. Я была уверена, что мне показалось.

Глава 4. Чёрный лес

Об этой поездке я молчала долго. Сначала потому, что обещала. Потом потому, что стыдилась. А когда наконец рассказала, было уже поздно, и с тех пор я молчу о ней по привычке.

Сейчас напишу.

* * *

Он пришёл ко мне ночью, в конце той же зимы.

Не в замок. Я была в замке, в своей комнате, спала, и вдруг проснулась от того, что один из воронов на подоконнике ударил клювом в стекло. Я открыла окно, и он влетел, и сел мне на плечо, и я, не думая, скользнула в него, как уже привыкла, и увидела глазами ворона двор внизу. Тёмный, заснеженный. И у ворот, один, без коня, стоял человек в чёрном плаще.

Я спустилась босиком, накинув на плечи одеяло.

Он стоял у самой створки, прислонившись к ней спиной, и в темноте я не сразу узнала его. Лицо осунулось. Под глазами залегли тени, глубокие, тёмно-синие, как будто он не спал неделю. Волосы были в снегу.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего, — сказал он. И сразу: — Прости. Я не должен был приходить. Мне не к кому больше.

— Йфрайт…

— Йфрайт скажет, чтобы я не валял дурака. И будет прав. — Он усмехнулся, криво. — А ты не скажешь.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. — Он посмотрел на меня. — Просто знаю.

* * *

Он рассказал мне всё там же, у ворот, на морозе, пока я куталась в одеяло и переступала с ноги на ногу на снегу.

С той ночи, с Фиолетовой Луны, он слышал голос. Сначала редко, во сне. Потом чаще. Потом стал слышать его наяву, в тишине, когда оставался один. Голос не говорил ничего особенного. Звал. Просто звал, по имени, тихо и настойчиво, как зовут ребёнка, который заигрался во дворе и не идёт домой. Голос шёл с севера. Из-за Ледяных земель, оттуда, где на картах Йфрайта кончались все линии и начиналась пустая белая бумага.

— Там лес, — сказал Король. — Чёрный лес. Я видел его во сне. Деревья без листьев. И в самой середине что-то лежит. Ждёт меня.

— Что?

— Не знаю. — Он закрыл глаза. — Я хочу пойти.

— Один?

— Один.

— Это глупо.

— Знаю. — Он открыл глаза и посмотрел на меня. — Поэтому я и пришёл к тебе. Твои вороны видят далеко. Если со мной что-то случится, кто-то должен знать. Где. Как. Не говори Нике. Не говори Апостолу. Никому. Просто смотри.

Я молчала долго. Снег падал, тихо, косо, и таял на его ресницах.

— Хорошо, — сказала я. — Но я пойду с тобой.

— Нет.

— Да.

Он хотел возразить. Я видела, как он набирает воздух, как сжимает челюсть. А потом выдохнул, и плечи его опустились, и он вдруг стал выглядеть очень усталым и очень одиноким.

— Хорошо, — сказал он. — Но если я скажу бежать, ты побежишь.

— Побегу.

Я соврала. Он, наверное, знал, что я вру.

* * *

Мы шли через Ледяные земли четыре дня.

Я не стану описывать их подробно. Холод, снег, ветер, который резал лицо, как бритва. Ночёвки в снежных ямах, когда мы лежали спина к спине, завернувшись в его плащ и моё одеяло, и я слушала, как он дышит, и не могла уснуть от холода. Вороны летели над нами, и я видела их глазами

бесконечную белую равнину, и на ней две крошечные тёмные точки: нас. Иногда он мурлыкал свой мотив, тихо, себе под нос, на ходу. Несколько нот, вверх и вниз. И всякий раз у меня сжималось что-то внутри, и я не понимала почему.

— Что это за мелодия? — спросила я на третий день.

Он остановился, будто я застала его врасплох.

— Какая?

— Ты всё время её напеваешь.

— А. — Он потёр лицо рукой в перчатке. — Не знаю. Привязалась. Из того мира, наверное. Колыбельная какая-то. Я даже не помню, откуда.

— Красивая.

— Да, — сказал он. И больше не мурлыкал до самого леса.

* * *

Лес появился на четвёртый день, к вечеру.

Сначала я увидела его глазами воронов: тёмная полоса на горизонте, будто кто-то провёл углём по белой бумаге. Потом своими. Мы шли к нему ещё несколько часов, и полоса росла, поднималась, превращалась в стену. Стену из деревьев.

Они были чёрными. Не тёмными, как бывают тёмными ели в сумерках. Чёрными, как сажа, как обугленные спички, от корней до самых верхушек. Без листьев, без хвои, без коры, гладкие, будто отлитые из чёрного стекла. Стволы стояли

плотно, один к другому, и между ними не было снега. Снег лежал на равнине вокруг, ровный, белый, до самой опушки, и обрывался резкой чертой, будто его отрезали ножом. Дальше была только чёрная земля.

И тишина.

Мои вороны отказались лететь дальше. Я почувствовала это сразу: у самой опушки они развернулись, все разом, и заметались, и закаркали, и я поняла, что если попробую заставить их, они разобьются о стволы, но не полетят. Я отпустила их. Они расселись на снегу у края леса, нахохлившись, и смотрели на нас.

— Дальше без них, — сказал Король.

— Значит, без них.

Он посмотрел на меня.

— Лорелин. Ты можешь остаться здесь.

— Нет.

Он кивнул, будто ждал этого ответа. И шагнул за черту.

* * *

Внутри леса было тепло.

Это было первое, что меня поразило. После четырёх дней мороза — тепло, почти душно, как в натопленной бане. Земля под ногами была мягкой, пружинистой, и тёплой, и от неё поднимался лёгкий пар. Пахло чем-то сладковатым, гнилым, похожим на запах перезрелых фруктов. Стволы вокруг были

гладкими и чёрными, и когда я коснулась одного, он оказался горячим, как печная заслонка.

Света не было. Ни луны, ни звёзд. Небо сквозь переплетение ветвей не просвечивало. И всё же я видела. Слабо, неясно, будто свет шёл не сверху, а от самих деревьев, от земли, от воздуха. Красноватый, тусклый, как свет углей.

Король шёл впереди и не оглядывался. Он шёл так, как идут к дому, где ждут. Уверенно, не глядя под ноги, сворачивая между стволами в тех местах, где я не видела никаких тропинок. Я шла за ним и держалась за край его плаща, как ребёнок.

Мы шли долго. Не знаю, сколько. Время в лесу текло по-другому, или не текло вовсе.

А потом он остановился.

* * *

Это была поляна. Круглая, ровная, шагов тридцать в поперечнике. Деревья обступали её со всех сторон, и ветви их сплетались над ней в купол. В центре поляны земля была другой. Не чёрной. Зелёной.

Я не сразу поняла, что это не трава. Это было что-то жидкое, вязкое, светящееся изнутри тусклым ядовито-зелёным светом. Оно лежало на земле лужей, неровной, с размытыми краями, и медленно, едва заметно двигалось. Вздымалось и опадало. Дышало. Над ним поднимался пар, и в пару просту-

пали какие-то очертания, но я не могла их разглядеть.

А в самом центре этой лужи, на маленьком островке чёрной земли, лежала корона.

Она была простая. Это я помню лучше всего. Я ждала чего-то огромного, сверкающего, с камнями, с зубцами, а она была простая. Тонкий обруч из чёрного металла, матового, не отражающего свет. И над ним, по кругу, острые зубцы, неровные, разной высоты, похожие на обломанные ветки. Или на пальцы. Ни камней, ни гравировки. Ничего. Она лежала на чёрной земле и казалась маленькой. Почти детской.

— Вот, — сказал Король. Голос у него был хриплый. — Вот она.

— Не трогай.

— Я и не трогаю. — Он стоял на краю зелёной лужи и смотрел на корону. — Пока.

И тогда открылась трещина.

* * *

Она открылась прямо над лужей, в воздухе, на высоте человеческого роста. Сначала тонкая, как волос, вертикальная линия. Потом шире. Края у неё были рваные, будто кто-то разорвал полотно, и за ними была темнота. Не та темнота, что в лесу. Другая. Глубокая, бездонная, как колодец, в который смотришь и не видишь дна.

Из темноты на нас посмотрели глаза.

Два. Красные. Огромные, каждый величиной с мою ладонь, и светились они изнутри, как угли, раздутые ветром. Они смотрели на Короля. Не на меня, я это сразу поняла и чуть не заплакала от облегчения. На него. Долго. Неподвижно.

А потом заговорил голос.

Я не могу описать его. Я пыталась много раз, в этой летописи и в других, которые потом сожгла. Это не был голос мужчины или женщины. Не был голос зверя. Он шёл не из трещины, а отовсюду, из стволов, из земли, из зелёной лужи под ногами, из моей собственной головы. И он был ласковым. Вот что страшнее всего. Он был ласковым, как голос матери.

— *Как думаешь*, — сказал голос, — *я враг тебе или же друг?*

Король молчал. Я видела, как дрожат его руки.

— *Ты держал огонь*, — сказал голос. — *Я видел. Ты стоял на крыше и держал огонь, и он сжигал тебя изнутри, и ты не опустил рук. Я смотрел на тебя оттуда. Издалека. И подумал: вот тот, кого я ждал.*

— Что ты такое? — спросил Король.

Голос засмеялся. Тихо, мягко.

Потом он произнёс слово. Длинное, гортанное, на языке, которого я не знала. Оно прозвучало как имя, но я не уверена. Я записала его потом так, как услышала, по слогам, и долго смотрела на эти буквы, и они ничего мне не говори-

ли. Гаа-ран. Или что-то похожее. Может быть, это было имя. Может быть, название места. Может быть, просто звук.

— *Неважно*, — сказал голос, будто услышал мои мысли. — *Имена здесь ничего не значат. Важно другое. Мир, в котором ты живёшь, сломан. Его заперли. Его рвёт по швам. Твой огонь залатал его, но заплатки не держатся вечно. Однажды он снова начнёт рваться, и тогда тебе понадобится сила. Настоящая. Не та, что выбрала тебя случайно. Та, которую ты возьмёшь сам.*

Красные глаза медленно опустились, глядя на корону.

— *Возьми её. И ты сможешь удержать всё. Город. Людей. Тех, кого любишь.*

— А взамен?

— *Взамен*, — сказал голос, и ласковость в нём стала гуще, тяжелее, как мёд, — *ты будешь делать выбор. Тот, который другие не могут. Мир полон тех, кто не выбирает. Кто ждёт. Кто надеется, что всё как-нибудь само. Ты не будешь ждать. Ты будешь знать. Выбор есть всегда, дитя.*

Пауза. Глаза моргнули, медленно, одновременно.

— *Убей или будешь убит.*

* * *

Я схватила его за руку.

Не знаю, как я решилась. Я стояла позади, держась за плащ, и вдруг оказалась рядом и вцепилась в его запястье

обеими руками, изо всех сил.

— Не надо, — сказала я. — Пожалуйста. Пойдём отсюда. Пожалуйста.

Он посмотрел на меня. Глаза у него были карие, свои, но в самой глубине, на дне зрачков, уже тлело что-то красное.

— Лорелин, — сказал он. — Ты не понимаешь.

— Понимаю! Он врёт. Он врёт, ты слышишь, как он говорит? Так не говорят те, кто хочет помочь!

— А как говорят те, кто хочет помочь? — тихо спросил он. — Как Алзор? «Я не знаю, я не уверен, я просто давно живу»? Он смотрел, как люди исчезают квадратами. Он смотрел и ничего не делал, пока пламя не пришло само. Я был там. Я видел.

— Это не повод…

— Это повод. — Он мягко, но твёрдо высвободил руку. — Я не хочу больше стоять на крыше и надеяться, что выдержу. Я хочу знать, что выдержу.

Голос из трещины молчал. Ждал. Терпеливо, как ждут те, кто уже знает исход.

Король шагнул в зелёную лужу.

Она не обожгла его. Я ждала, что обожжёт, ждала крика, но он просто шёл, медленно, по колено в светящейся зелени, и она расступалась перед ним и снова смыкалась за спиной. Дошёл до островка. Наклонился. Поднял корону.

Она не была тяжёлой. Я видела, как легко он её держит, двумя пальцами, за обруч. Он смотрел на неё долго. А потом

поднял и надел на голову.

* * *

Ничего не случилось.

Не было вспышки, не было грома. Трещина над лужей не закрылась и не распахнулась. Глаза в ней просто погасли, как гаснут угли, когда их заливают водой, и темнота за рваными краями стала обычной темнотой. Потом края сошлись, и трещины не стало.

Король стоял на островке с короной на голове и не двигался.

— Эй, — позвала я. Голос сорвался. — Эй. Ты слышишь?

Он обернулся.

Глаза у него были красными. Целиком. Не только зрачки — радужка, белки, всё. Два красных огня на бледном лице. Он смотрел на меня, и я не знала, видит ли он меня вообще.

А потом он моргнул, и глаза снова стали карими. Обычными. Усталыми.

— Всё в порядке, — сказал он.

Я не поверила. Но он уже шёл обратно, через зелёную лужу, и она расступалась перед ним, и когда он ступил на чёрную землю рядом со мной, я увидела, что зелень течёт за ним. Тонкими струйками, как вода по склону. К его ногам. И впитывается в его сапоги, в кожу, в него.

— Ты не в порядке, — сказала я.

— Я в порядке. — Он снял корону и посмотрел на неё. Зубцы были тёплыми, я видела, как от них поднимается лёгкий пар. — Знаешь, что самое странное? Я ничего не чувствую. Совсем. Ни силы, ни… ничего. Будто это просто железка.

— Тогда брось её.

Он посмотрел на меня. И снова на корону. И я увидела, как его пальцы сжались на обруче. Крепко. Так, что побелели костяшки.

— Нет, — сказал он.

* * *

Обратно мы шли молча.

На опушке нас ждали вороны, и я снова скользнула в них, и мне стало легче, когда я увидела равнину сверху, белую, чистую, и себя на ней, и его. Корону он спрятал в сумку за плечом. Она не светилась, не грела через ткань. Просто лежала там. Но я знала, что она там, всё время знала, каждую минуту, будто у меня под кожей поселилась заноза.

На вторую ночь, когда мы лежали в снежной яме спина к спине, он заговорил.

— Лорелин.

— Что?

— Ты никому не скажешь.

Это был не вопрос.

— Почему?

— Потому что они не поймут. Ника не поймёт. Йфрайт не поймёт. Апостол… — Он замолчал. — Никто не поймёт. Они будут бояться. А мне не нужно, чтобы меня боялись. Мне нужно, чтобы мне верили.

— А если он соврал? Голос.

— Тогда ты будешь знать. — Он повернулся, и я почувствовала его дыхание у себя на затылке. — Ты одна. Если со мной что-то будет не так, ты увидишь первой. И скажешь мне. Хорошо?

Я молчала долго. Ветер свистел над ямой, швырял в неё снег.

— Хорошо, — сказала я.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он помолчал. А потом тихо, едва слышно, стал мурлыкать свой мотив. Несколько нот, вверх и вниз. И я лежала, слушала его, и слёзы текли у меня по щекам и замерзали на ресницах, и я не понимала, почему плачу.

Я сдержала обещание. Я не сказала никому. Ни Йфрайту, ни Нике, ни Мельциару. Молчала годами, пока не стало поздно. А когда заговорила, это уже почти ничего не могло изменить.

Это первое, за что я себя не прощу.

Глава 5. Дитя бага

Ника забеременела той же весной, и никто не мог объяснить как.

Я узнала об этом от Миюми, разумеется. Миюми узнавала всё раньше всех, и я подозревала, что дело тут не в картах, а в том, что она умела слушать на кухнях. Она влетела в мою комнату рано утром, ещё в ночной рубашке, с растрёпанными волосами, и плюхнулась на мою кровать, так что я проснулась от толчка.

— Ты не поверишь, — сказала она.

— Не поверю, — согласилась я, не открывая глаз.

— Ника. Страж. Та, которая у «Детей ночи». Она беременна.

Я открыла глаза.

— Это невозможно.

— Вот! — Миюми хлопнула ладонью по одеялу. — Вот и я говорю! Невозможно! Тут никто никогда не рожал. Ни разу. Мир этого не умеет. Тела тут… ну, они как одежда. Их можно порвать, можно починить, но они не растут и не рождают. Все знают. А она — беременна. Живот уже видно. Король весь город на уши поставил, говорят, ходил к Алзору.

— И что Алзор?

— А что Алзор. — Миюми фыркнула. — Сказал, что не знает. Он всегда так говорит.

* * *

Я поехала к «Детям ночи» через неделю.

Король встретил меня у ворот. Он похудел за эти месяцы, и под глазами всё так же лежали тени, но он улыбался. По-настоящему, широко, как я ни разу не видела. Он схватил меня за руки, прямо там, у ворот, и закружил, как девчонку, и я засмеялась от неожиданности, а рыцари у ворот отвели глаза.

— Ты слышала? — спросил он.

— Весь Альказак слышал.

— Весь мир слышал. — Он отпустил меня и провёл рукой по волосам. — Лорелин, я… Я не знаю, что делать. Правда не знаю. Я не умею быть отцом. Я даже не помню, был ли у меня отец. Там.

— Научишься.

— А если нет?

— Научишься, — повторила я.

Он посмотрел на меня долго, и улыбка его стала тише.

— Ты так говоришь, будто знаешь.

Я не знала. Я просто чувствовала. Тепло под сердцем горело ровно, сильно, и когда я смотрела на него, такого счастливого и такого испуганного, мне хотелось обнять его. Я не обняла. Я не умела.

Корону я в тот день не видела. Он не носил её. Но когда

мы шли через двор, я заметила, как он, задумавшись, поднимает руку к голове, к тому месту, где обруч лёг бы на виски, и касается волос пальцами. Будто проверяет, нет ли её там. Будто скучает.

* * *

Ника была в саду.

Она сидела на скамье под большим орхидейным деревом, в простом светлом платье, без доспехов. Без доспехов я её ещё не видела. Она казалась меньше, мягче. Живот был заметен, небольшой, круглый, и она держала на нём ладонь, как держат на чём-то хрупком.

— Здравствуй, — сказала она, когда я подошла.

— Здравствуй. Я… Поздравляю.

Она улыбнулась, коротко.

— Садись.

Я села рядом. Мы помолчали. Над нами тихо шелестели тёмные лепестки, и пахло так сладко, что кружилась голова.

— Тебе страшно? — спросила я.

Ника долго не отвечала.

— Очень, — сказала она наконец. — Никто не знает, что будет. Алзор не знает. Знахарь не знает. Он меня каждый день смотрит, щупает, слушает. Говорит, всё хорошо, сердце бьётся. Но я вижу, что он не понимает. Никто не понимает. — Она помолчала. — А он счастлив.

Она не сказала, кто. Не нужно было.

— Он будет хорошим отцом, — сказала я.

— Знаю. — Ника посмотрела на меня, и в её серых глазах было что-то, чего я не поняла тогда. — Он к тебе привязан. Ты знаешь?

Я почувствовала, как краснею.

— Мы друзья.

— Я не про это. — Она покачала головой. — Я не ревную, Лорелин. Не думай. Просто… Он смотрит на тебя так, будто ищет что-то. Будто ты ему кого-то напоминаешь, и он не может вспомнить кого. Это видно. Всем видно.

— Мне тоже так кажется, — сказала я тихо. — Иногда. Что я его откуда-то знаю.

Ника кивнула, будто я подтвердила что-то, о чём она давно думала. И больше ничего не сказала. Только положила вторую ладонь на живот, рядом с первой, и закрыла глаза.

* * *

Мэл родилась в конце осени, ночью, во время грозы.

Я была там. Король прислал за мной ворона — моего же ворона, одного из тех, что жили на стенах Обители. Он прилетел ко мне в окно с запиской, привязанной к лапе. Три слова: «Приезжай. Пожалуйста. Скорее». Почерк был неровный, буквы прыгали.

Я обратилась в стаю впервые в ту ночь.

Я не собиралась. Я не знала, что так могу. Я просто стояла у окна с запиской в руке и думала, что до замка «Детей ночи» полдня верхом, а у меня нет полудня, и тепло под сердцем полыхнуло так, что я задохнулась. И мир рассыпался.

Это было больно. Это и сейчас больно, если честно, просто я привыкла. Как будто тебя разрывают на части, не с мясом, нет, а изнутри, по швам, о которых ты не знал. Ты чувствуешь каждый шов. А потом их больше нет, и ты летишь. Не одна. Десятком, двумя десятками. Ты — каждое перо, каждый взмах, каждый удар сердца в маленьких птичьих телах. И ветер. И дождь. И молнии, которые вспыхивают так близко, что видно каждую каплю.

Я долетела за час.

Собралась я во дворе, в грязи, под ливнем, и упала, и меня вырвало, и я поползла к крыльцу на четвереньках, потому что ноги не держали. Кто-то подхватил меня под руки. Апостол.

— Ты как… — начал он и осёкся, глядя на воронов, которые ещё кружили над двором, отставшие, растерянные. — Ничего себе.

— Где она?

— Наверху. — Он помог мне встать. Руки у него были твёрдые и холодные. — Пойдём. Он тебя ждёт.

* * *

Я запомнила крик.

Не Ники. Ника не кричала. Она лежала на широкой кровати, мокрая от пота, бледная до синевы, и молчала, закусив губу так, что по подбородку текла кровь. Знахарь стоял рядом на коленях, держал её за руку и что-то тихо говорил, не переставая, ровным голосом. Король сидел у изголовья. Он держал её за другую руку и смотрел на неё, и лицо у него было белое, как простыня.

Кричал не человек. Кричал мир.

Я не знаю, как ещё это сказать. Когда ребёнок родился, когда Знахарь поднял его, маленького, скользкого, красного, на руки, — мир закричал. Звук шёл отовсюду. Из стен, из пола, из воздуха. Высокий, режущий, на одной ноте, как скрип железа по стеклу. Свечи погасли разом, все до одной. За окном молния ударила в шпиль, и в её свете я увидела, как над младенцем вспыхнуло голубое окно.

Окно было неправильным.

Оно мигало, дёргалось, рассыпалось на куски и собиралось снова. Буквы на нём прыгали, наползали одна на другую. Я видела, как в нём возникло имя, длинное, незнакомое: «Мэлма». И тут же рассыпалось, и вместо него проступило другое, короче: «Мэл». И снова первое. И снова второе. Окно мигало всё быстрее, и крик мира становился всё выше, и мне казалось, что ещё немного, и у меня лопнут уши.

А потом ребёнок заплакал.

Обычно. По-человечески. Тонко, захлёбываясь, как пла-

чут все новорождённые. И крик мира оборвался, как обрезанный. Окно над младенцем замерло. В нём горело одно короткое слово: «Мэл». И ниже, мелко, там, где у всех писали уровень, клан, место возрождения, стоял ряд значков, которых я никогда не видела. Не буквы. Не цифры. Что-то сломанное, похожее на обрывки рисунка.

Свечи загорелись сами.

Знахарь стоял с младенцем на руках и смотрел на окно. Губы у него шевелились беззвучно. Потом он медленно повернулся и протянул ребёнка Нике.

— Девочка, — сказал он. Голос дрожал. — Живая.

Ника взяла её. Прижала к груди. И заплакала, впервые за эту ночь, тихо, без звука, только плечи тряслись.

Король смотрел на них обеих. И я видела, как на его щеках блестят слёзы.

* * *

Позже, когда Ника уснула, а Знахарь ушёл, шатаясь, отдыхать, Король вынес её мне.

Я сидела в коридоре на подоконнике, завернувшись в чей-то плащ, и смотрела на дождь. Он подошёл неслышно и сел рядом. На руках у него был свёрток, белый, тёплый, и из него выглядывало крошечное красное личико.

— Хочешь подержать? — спросил он.

— Я не умею.

— Я тоже. — Он улыбнулся. — Вот, смотри. Голову держи. Вот так.

Он переложил свёрток мне на руки, осторожно, медленно, как переливают воду из полной чаши. Она была лёгкая. Невозможно лёгкая. И тёплая. Я держала её и боялась дышать.

Она открыла глаза.

Они были красными. Не как у Короля под короной, не целиком. Радужка, тёмно-красная, как вишня, как старое вино. А в ней, глубоко, у самого зрачка, мерцали искры. Фиолетовые. Мелкие, как пылинки в луче света. Они вспыхивали и гасли, вспыхивали и гасли, и я смотрела на них и не могла отвести взгляд.

И тепло под моим сердцем отозвалось.

Я не знаю, как ещё это описать. Будто внутри меня кто-то позвал, и кто-то ответил. Маленький уголёк, тлевший во мне с самого пепла, вдруг потянулся к ней, к этому крошечному тёплому свёртку, и в её глазах фиолетовые искры вспыхнули ярче, разом, все. А потом её маленькая рука выбралась из пелёнок и схватила меня за палец. Крепко. Неожиданно крепко для такого крошечного существа.

— Ой, — сказала я.

Король смотрел на нас. Молча. И лицо у него было странное. Растерянное. Будто он видел что-то, чего не мог понять.

— Она тебя узнала, — сказал он тихо.

— Она меня первый раз видит.

— Знаю. — Он помолчал. — Всё равно узнала.

* * *

Алзор пришёл утром.

Я не видела, как он вошёл. Просто в какой-то момент в комнате Ники, где мы все сидели — Король, Знахарь, Апостол, я, — стало на одного человека больше. Он стоял у окна, в длинном фиолетовом одеянии, с капюшоном, надвинутым на лицо. Высокий, сутулый. Пальцы его быстро крутили серебряную монету.

Ника проснулась, когда он подошёл к кровати. Прижала ребёнка к себе.

— Не бойся, — сказал Алзор. Голос у него был мягкий и очень усталый. — Я только посмотреть.

Он наклонился над младенцем. Долго смотрел на окно над ней, на сломанные значки. Монета в его пальцах замерла.

— Что она такое? — спросил Король. Тихо, но так, что в комнате стало холодно.

Алзор выпрямился.

— Ребёнок, — сказал он. — Твой ребёнок. Живой, здоровый, настоящий.

— Это я знаю. Я спрашиваю, что она такое.

Алзор помолчал.

— Мир не умеет рожать детей, — сказал он. — Его так не строили. Но его заперли, и он теперь живёт иначе. Пытается.

Учится, как учится больной, который заново встаёт на ноги. Иногда у него получается что-то, чего никто не ждал. — Он посмотрел на младенца, и мне показалось, что под капюшоном он улыбается. — Ошибка. Сбой. Дитя бага, если хотите. Но ошибки бывают разными. Некоторые ломают мир. А некоторые его спасают.

— Какая она? — спросила Ника.

— Не знаю, — сказал Алзор. — Узнаем, когда она вырастет.

Он снова начал крутить монету. Повернулся к окну. И на миг его капюшон обернулся ко мне. Я не видела его лица. Но чувствовала взгляд. Тяжёлый, долгий, внимательный. Он смотрел на меня так же, как только что смотрел на ребёнка.

А потом его не стало. Просто не стало, как не было.

Апостол первым нарушил тишину.

— Дитя бага, — повторил он. И засмеялся, неуверенно. — Ну что ж. Красиво звучит.

Никто ему не ответил. Король смотрел на дочь. А я смотрела на Апостола, на его улыбающееся лицо, и видела, как он смотрит на Нику, на ребёнка у её груди. И на Короля. И снова на ребёнка.

У него были очень светлые глаза. И в них ничего не отражалось.

* * *

В Обитель я вернулась через неделю и нашла её другой.

Йфрайт уезжал. Совет Стражей выбрал его в свои ряды, и он больше не мог руководить кланом: Стражи не принадлежали никому, кроме города. Он сообщил мне об этом в своём кабинете, складывая книги в дорожный сундук, буднично, как сообщают о погоде.

— А кто будет вместо тебя? — спросила я.

Он закрыл сундук и посмотрел на меня поверх очков.

— Не я выбираю.

— А кто?

— Сердце.

Я засмеялась, нервно.

— Йфрайт. Сердце никого не пускает. Я пробовала. Сто раз.

— Ты пробовала открыть его, — сказал он. — Попробуй постучать.

* * *

Я пошла туда ночью.

Северная галерея была пустой и тёмной. Фиолетовая луна светила в высокие окна, и тени от переплётов лежали на полу ровными крестами. Я шла по ним, как по ступеням, и сердце у меня колотилось так громко, что, казалось, его слышно в другом конце замка.

Дверь была на месте. Тёмная, дубовая, окованная желе-

зом. Без ручки. Без скважины. Я остановилась перед ней и долго стояла, не решаясь.

Потом подняла руку и постучала. Три раза. Негромко.

Тишина.

Я подождала. Ещё. Ещё. Ничего. Я почувствовала, как к глазам подступают слёзы, глупые, обидные, и разозлилась на себя за них. И уже повернулась уйти, когда за спиной что-то тихо скрипнуло.

Дверь была открыта.

За ней была круглая комната без окон. Посреди неё на каменном постаменте лежал камень. Чёрный, гладкий, величиной с два моих кулака. Он светился изнутри тусклым тёплым светом, неровным, пульсирующим, как бьётся сердце. Я подошла и положила на него ладонь.

Он был тёплым, как кожа. И под моей рукой его пульс медленно, удар за ударом, совпал с моим.

* * *

Утром во дворе собрались все сорок три. Йфрайт стоял на крыльце, уже в дорожном плаще. Я стояла рядом. Он не сказал речи. Он просто взял меня за руку, поднял её, как поднимают руку победителя на арене, и опустил. И ушёл к воротам, где его ждал конь.

Тишина во дворе была такой, что я слышала, как скрипит под ногами снег.

А потом Миюми, стоявшая в первом ряду, вдруг опустилась на одно колено. За ней Мельциар, тяжело, с лязгом. За ним старая повариха. И все остальные, один за другим, как падают костяшки домино.

— Королева, — сказал кто-то в задних рядах. Тихо, почти шёпотом.

Вороны на стенах закричали все разом.

С того дня в Альказаке меня называли Чёрной королевой. Я не просила. Я долго не могла привыкнуть. Но имя прилипло, как прилипает пепел, и отмыть его было уже нельзя.

Часть вторая. Зеркала

Глава 6. Зеркало в библиотеке

В библиотеке «Обители тьмы», в дальнем конце, за последним стеллажом, стоит зеркало. Высокое, в человеческий рост, в раме из почерневшего серебра. Его не вешали — его прислонили к стене, как прислоняют уставшего человека, и оно так и осталось стоять, чуть наклонившись вперёд, будто всё время к чему-то прислушивается.

Я не знаю, кто его принёс. Йфрайт говорит, что оно было здесь до него. Миюми говорит, что не любит его и обходит стороной. Мельциар когда-то предлагал вынести его во двор и разбить, и я запретила, сама не понимая почему.

Я пишу эту часть не по порядку. Всё, что было до неё, — моё: пепел, крыша, лес, рождение Мэл. Всё, что будет после, — тоже моё, и я за каждое слово отвечаю. А эти страницы я не видела своими глазами. Я их услышала. Они пришли из-за стекла, ночами, когда я сидела в библиотеке одна, и я записывала их так, как они приходили, не понимая и половины. Потом перечитывала. Потом пыталась вычеркнуть. Не смогла.

Я оставляю их здесь, в середине, потому что они и были в середине. Они стоят между тем, кем я была, и тем, кем стала,

как это зеркало стоит между стеллажом и стеной. И потому что в них есть имена, которые я знаю. Мэл. Ника. Марк. Рика. Станислав. Каин Кэрриган. Антон. Амалия. Это не те люди. Или те — но в другом свете. Зеркало переставляет фигуры. Я слишком долго играла в шахматы, чтобы этого не заметить.

* * *

В первый раз это случилось осенью. Дождь шёл третьи сутки, и в Обители было сыро, и все разошлись по комнатам рано. Я взяла свечу и пошла в библиотеку за старым травником для Кнопочки. Нашла его, села на подоконник, раскрыла. Читать не стала. Смотрела на дождь.

А потом услышала, как кто-то за стеллажами вешает что-то на крючок.

Тихий звук. Деревянный. Как будто вешают маску.

Я встала, прикрыла свечу ладонью и пошла на звук. За последним стеллажом никого не было. Только зеркало. Свеча отразилась в нём, и я — тоже. Растрёпанная, в старой шали, с травником под мышкой. Один глаз карий. Другой фиолетовый.

А за моим отражением, там, где по законам стекла должна была быть стена с полками, стояла комната. Низкая, с камином. На стенах, на деревянных крючках, рядами висели маски. Белые, чёрные, золотые, треснувшие, обгоревшие. Дет-

ские. Мужские. Одна — вся в запёкшейся крови. Одна — с пустыми глазницами, затянутыми дымом.

У камина сидел старик. Сухой, длиннопалый, в сером халате, с лицом, которое я не могу описать, потому что каждый раз, когда я на него смотрела, оно было немного другим. Он держал на коленях маску и протирал её рукавом, бережно, как протирают очки.

Он не смотрел на меня. Он говорил с кем-то, кого я не видела.

— Не спеши, — сказал он. — Ты всегда спешишь, Элфдид. А тут надо слушать.

Я не знала этого имени. Тогда — не знала.

* * *

Потом заговорил женский голос.

Он был совсем рядом, как будто женщина стояла за моим плечом, и я обернулась, но никого не было. Голос был тёплый, насмешливый и очень довольный.

А кто это тут у нас такой прекрасный? Это же мой дорогой Элфдид. Как я рада видеть тебя в этом новом мире. Ты не представляешь, как я соскучилась. Мне так много хочется тебе рассказать, но Миндрах попросил меня не вмешиваться в твоё путешествие. А жаль. Я бы сама провела тебя по МоррисГраду. Я бы посмотрела тебе в глаза. Я бы показала тебе, как выглядит смерть, когда она улыбается.

Старик у камина вздохнул.

— Ты обещала, — сказал он.

Я обещала не вмешиваться, — ответил голос. — *Я не обещала молчать.*

Я стояла перед зеркалом, и у меня немели пальцы, потому что я узнала этот голос. Не сразу. Сначала — по тому, как он делает паузу перед последним словом. Потом — по смеху. Это был мой голос. Мой, только старше. Или моложе. Или такой, каким он бывает, когда внутри поднимается пламя, а я не успеваю его остановить.

Свеча в моей руке вытянулась длинным фиолетовым языком и погасла.

* * *

Старика зовут Миндрах. Это я узнала из его же слов: голос за моим плечом называл его так, когда сердился. Кто такой Элфдид, я тоже узнала, хотя и не сразу. Он так ни разу и не показался в стекле. Он был тем, кому рассказывали. Слушателем. Иногда — перебивал.

Миндрах рассказывал, надевая маски.

Это я видела своими глазами. Он снимал с крючка маску, держал её в руках, смотрел на неё — и надевал. И голос у него менялся. И слова. Под маской он говорил «я» за другого человека, и этот человек был совсем не похож на старика у камина: молодой отец, девочка в красном сарафане, маль-

чишка из приюта, убийца с винтовкой. Когда история кончалась, он снимал маску и вешал обратно. Иногда — не вешал. Одна маска при мне сгорела у него в руках, сама, без огня, и он долго смотрел на пепел.

Я записывала. Сначала на обороте травника, потом в отдельной тетради, которую держала под замком. Я записывала его словами, когда успевала, и своими, когда не успевала. Где-то я наверняка ошиблась. Где-то зеркало ошиблось за меня.

Вот с чего он начал.

* * *

— Сон, — сказал Миндрах, — это последнее убежище. Человек прячется в него, как в кокон. Сон наползает густой вязкой темнотой, затягивает тревоги, вытягивает их из груди, как чёрная река уносит мусор, и вместе с мусором уносит остатки страха и памяти. За стенами комнаты, в трещинах штукатурки, прячутся те, кто шепчет в углах. Их голоса похожи на шорох старых газет под половицами. Ты их слышал, Элфдид. Все их слышали.

Он пошевелил кочергой угли.

— За день человека стирает работа. Вязкая, как слякоть. Она крадёт силы, а потом крадёт способность отличать одно утро от другого. И остаётся мечтать о том, чтобы провалиться в сон. Там можно позволить себе то, чего не дано

наяву. Стать воином в тяжёлых латах. Подняться в небо на чёрном коне. Стать танцовщицей, которая рассекает темноту, как пламя. Сон щедро раздаёт роли. Но за каждую берёт плату. И цена становится видна только тогда, когда ты пытаешься проснуться.

Он всегда начинает издалека, — сказал голос за моим плечом. — *Ты привыкнешь.*

— МоррисГрад ждёт тебя, — продолжал Миндрах, не обращая на неё внимания. — Этот город не отпускает тех, кто однажды закрыл глаза. Его ворота открываются только тем, кто решится шагнуть в темноту, где воздух дрожит от шёпота. Подожди, Элфдид. Не спеши. Сначала выслушай историю. Историю клана, который звался «Дети ночи». Тех, кто поднялся из бездны и обратил Альказак в руины и прах.

Я вздрогнула, услышав название клана. Миндрах, кажется, это почувствовал. Он впервые поднял глаза — не на меня, а чуть мимо, на край рамы, где стояла моя тень.

— Думаешь, это скучно? — сказал он. — Нет. Старые сказания не умирают. Они живут в крови, в сыром камне мостовых, в голосах, которые звучат по ночам, когда ветер приносит запах гари. Но чтобы понять, как горел Альказак, надо сначала понять, откуда пришёл огонь. А огонь пришёл издалека. Из места, где ещё не знали его имени.

Он снял с крючка простую серую маску. Мужскую. Немолодую. С усталыми складками у рта.

— Слушай внимательно, — сказал он. — Каждое слово

здесь весит больше, чем кажется. Если ты отвлечёшься, я могу соврать, запутать следы, и тогда ты будешь блуждать в этой тьме и обвинять меня в том, что не доглядел. Но ложь — это только ещё одна грань правды. Так что не отводи взгляд.

И надел маску.

* * *

Прежде чем записать то, что было дальше, я должна сказать одну вещь. Она объясняет, почему я вообще поверила зеркалу, а не сожгла тетрадь в ту же ночь.

Задолго до того, как стекло заговорило, Велес однажды спросил при мне чужака в таверне, не с планеты ли тот Альфа. Спросил между делом, за кружкой, как спрашивают, не из Дэстри ли ты. Чужак засмеялся и ничего не ответил. А я потом пристала к Велесу, и он, нехотя, рассказал: да, есть такое место. Мир по ту сторону капсул, откуда приходят многие из нас. Там были два больших государства, Атьем и Фэйей. Там была лаборатория, которая называлась «Светлое будущее» и строила миры, похожие на наш. Там была война, после которой небо стало другого цвета, а лаборатория закрылась. Больше он ничего не сказал. Сказал, что не любит об этом вспоминать.

А много позже, когда в нашем мире появилась Мариэль, она слушала эти слова — Атьем, Фэйей — и качала головой. Она их не знала. Там, откуда пришла она, была Земля, были

другие страны, были другие войны. Но слово «Светлое будущее» она знала. Её сын работал там. В корпорации с этим именем. В её мире.

Два мира, где одна и та же лаборатория. Два неба. Две истории, которые не совпадают, но держатся друг за друга, как отражение держится за того, кто смотрит в зеркало.

Миндрах называл это двумя потоками реальности. Он говорил, что МоррисГрад был соткан как отражение. Что под ним лежит Бета-мир, корневая основа, а над Бета-миром стоят зеркала, усиленные микрочипами, и их работа — согласовывать два потока, чтобы они текли в одну сторону. Что главное из всех зеркал, с серебряным покрытием, стоит в Тихом океане. И что однажды что-то пошло не так.

Я не знаю, правда ли это. Я знаю, что за моей спиной в библиотеке стоит зеркало в почерневшем серебре. И что иногда, когда я смотрю в него, я вижу ту версию себя, которая была счастлива. А иногда — комнату с масками.

Вот что оно мне показало.

Глава 7. Максим

Я помню то время. Оно кажется вчерашним, а на самом деле между нами пропасть лет.

Две тысячи восемнадцатый. Мир ещё не знал слова «пандемия», не знал, что такое метавселенная и чип под кожей. Люди воевали за ресурсы, как всегда: маленькие войны, большие амбиции, кровь на асфальте, а потом новости переключаются на погоду. Но за спиной у всех, в лабораториях без окон, где не бывает утра и вечера, рождалось другое.

Я узнал об этом раньше многих. Не потому, что был умным. Потому что был грузчиком.

* * *

Год назад, ещё до того, как я бросил работу, нас с бригадой отправили на объект за городом. Бетонный забор, шлагбаум, охрана без нашивок. Мы разгружали ящики. Длинные, плоские, тяжёлые, обитые изнутри войлоком. На каждом — одна и та же наклейка: «Осторожно. Стекло. Не кантовать». И логотип: восходящее солнце в круге и подпись — «Светлое будущее».

Один ящик у нас уронили. Не я, Серёга, он вечно торопился. Угол ударился о бетон, доска отошла, и я увидел, что внутри. Зеркало. Обычное, казалось бы, зеркало в металли-

ческой раме, только на обороте, там, где у зеркал бывает серая краска, у этого были платы. Мелкие, зелёные, с паутиной проводков, вклеенные прямо в амальгаму.

Охранник подошёл быстро. Ничего не сказал. Посмотрел на меня, на Серёгу, на щель в ящике. Записал наши фамилии. А вечером бригадир выдал нам двойную оплату и сказал, что на этот объект мы больше не ездим.

Потом были слухи. Такие слухи всегда бывают — в курилках, в маршрутках, в очередях. Что учёные — или те, кого мы так называем, — нашли способ смотреть в зеркало и видеть не себя. Что назвали эти зеркала «Отражателями мироздания». Что сидят перед ними в тишине и вглядываются в стекло, которое показывает не комнату, а другую сторону. Что в первом отражении увидели город. Огромный, тёмный, с башнями и мостами, где по ночам горят окна и где люди живут так, будто у них есть вторая жизнь. Что город этот назвали МоррисГрадом.

Говорили ещё, что учёным мало смотреть. Что они хотят провести через стекло человеческое сознание. И что сначала ничего не получалось: отражения тех, кто пробовал, застывали по ту сторону и жили там свою жизнь, как куклы, у которых никто не держит нитки. А люди по эту сторону сходили с ума.

Я смеялся над этими слухами. Я грузчик. Мне нужно было кормить семью.

* * *

Миндрах снимает с крючка серую маску. Держит её. Надевает.

* * *

Однажды ночью меня разбудил стук.

В три часа ночи с добром не стучат. Это или кредиторы, или те, кому ты должен больше, чем можешь вернуть. Я был должен. Не бандитам — банку, а потом ещё одному банку, чтобы отдать первый, а потом знакомому знакомого, чтобы отдать второй. Обычная история. У меня было слишком худое тело, чтобы защищаться, и слишком мало денег, чтобы откупиться.

Жена и дочь спали за стеной. Мы поссорились перед сном. Из-за ерунды — из-за того, что я опять не пошёл на собеседование, потому что опять проспал, потому что опять не спал до четырёх, считая, сколько мы должны. Она сказала: «Ты сдался». Я сказал: «Я устал». Она ушла к дочери и закрыла дверь. И вот теперь я стоял в темноте коридора, босиком на холодном линолеуме, и вина давила сильнее усталости, а за дверью стучали.

За окном было непривычно тихо. Даже ветер не шевелил вывеску аптеки напротив, которая обычно скрипела всю ночь.

Я подошёл к двери. Половицы скрипели так громко, будто нарочно выдавали меня. Посмотрел в глазок.

Девушка.

Совсем молодая. Тёмно-синий костюм — мужской, строгий, слишком широкий в плечах для её фигуры. Волосы убраны назад. Лицо спокойное. Она смотрела прямо в глазок, прямо на меня, будто видела сквозь линзу, сквозь дверь и сквозь меня, и знала обо мне больше, чем знал я сам.

— Доброй ночи, — сказала она. Голос тонкий, почти детский. — Откройте, пожалуйста.

Свет на лестничной площадке был тусклым, лампа мигала, и на секунду мне показалось, что за её спиной колышется дымка. Фиолетовая. Как отблеск пожара где-то очень далеко.

— Что вам нужно? — спросил я. Хотел твёрдо. Вышло сипло.

— У меня есть предложение, — сказала она мягко. — У вас семья. Им нужны деньги. Вы ведь хотите заработать.

В её голосе не было угрозы. Было обещание. Тёплое, обволакивающее, почти родное — так говорят с тобой, когда ты болеешь, а тебе приносят чай. Сердце у меня дрогнуло. Деньги. Их всегда не хватало. Работу грузчика я бросил — слишком опасно, слишком часто кто-то не возвращался со смены целым, а у меня спина и так уже не держала. Жена учила детей в школе и тянула всё на своей зарплате. Мне было стыдно. Каждое утро.

— Какое предложение? — спросил я.

— Через дверь неудобно, — сказала она.

И я открыл.

Не знаю почему. Наверное, потому что любопытство оказалось сильнее страха. Или стыд — сильнее осторожности. За порогом пахло сыростью и чем-то чужим, как будто по подъезду только что пронесли охапку мокрых тряпок, оставив за собой холод и металлическую пыль.

Она улыбнулась.

Удар пришёл сбоку. Я даже не увидел, кто бил. Холодное, тяжёлое, по виску. Череп треснул звоном, перед глазами взорвались звёзды, и тьма сомкнулась — плотная, вязкая, как смола.

Последнее, что я успел подумать: *я не попрощался*.

* * *

Я очнулся в машине.

Руки стянуты ремнями, кожа на запястьях саднит. Голова гудит, во рту вкус крови. За окном — ночной Киев. Неоновые вывески, мёртвые витрины, мокрый асфальт, в котором отражаются фары. Всё плыло, как во сне, который ускользает, когда пытаешься его запомнить. В салоне пахло дешёвым пластиком, чем-то металлическим и приторно-сладким, и этот запах смешивался с холодом из щелей.

Впереди сидели двое.

За рулём — мужчина. Широкие плечи, короткая стриж-

ка, руки на руле лежали спокойно, по-хозяйски. Его голос я услышал раньше, чем разглядел лицо, и голос этот был низкий, ровный, но в этой ровности было что-то нечеловеческое. Ледяное. Как будто в нём застыли давние обиды и с тех пор так и не оттаяли.

Рядом с ним — та самая девушка в синем костюме. Теперь лицо её было отстранённым, а глаза — безжалостными, как у хищника, который уже поел и теперь просто смотрит. В свете встречных фар её зрачки казались фиолетовыми. Может быть, мне показалось. Я тогда многое видел не так.

Я замычал. Во рту было что-то мешавшее — я не сразу понял, что это мой собственный язык, распухший от удара.

— Мэлма, — сказал мужчина, не отрывая взгляда от дороги. — Заткни нашего подопытного.

Она тихо засмеялась и повернулась ко мне.

В её движениях не было ни злости, ни жалости. Только плавность. Как у кошки, которая играет с мышью не потому, что голодна, а потому что так устроена. Она сунула мне в рот тряпку — холодную, чистую, сложенную заранее. А потом другой тканью, осторожно, почти заботливо, вытерла кровь у меня на виске. На секунду её рука задержалась возле моего лица, и я почувствовал запах. Горький, как пепел. И сладкий, как карамель. И где-то под ними — лёгкая нота гари.

— Пап, — сказала она, отворачиваясь обратно. Голос тихий, почти ласковый, и в нём звенел металл. — Ты не слишком сильно его ударил?

Мужчина ответил не сразу. Когда ответил, его голос прозвучал так, будто он говорил не ей и не мне, а кому-то за стеклом.

— Всё под контролем. В договоре было сказано, что он работал грузчиком. Я просто перестраховался.

В договоре, — подумал я. *В каком договоре?* И вспомнил: охранник у шлагбаума, ручка, блокнот. Моя фамилия. Серёгина фамилия. Двойная оплата.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Оттуда на меня смотрели глаза мужчины за рулём. Серые, спокойные. Он увидел, что я понял.

— Марк, — сказал он мне. Просто, как представляются в очереди. — Меня зовут Марк. Не дёргайся, будет легче. Тебе заплатят. Твоей семье заплатят. Это честнее, чем то, что тебе предлагали банки.

Я закрыл глаза. Огни Киева плыли под веками, и где-то между ними, в отражении стекла, на миг дрогнул фиолетовый отсвет. Как будто кто-то, кто был не в машине и не на улице, а где-то совсем в другом месте, посмотрел на меня и запомнил.

* * *

Я пришёл в себя в белой комнате.

Свет резал глаза. Стены сияли, словно стерильная пустота пожирала само пространство. Где-то далеко гудели маши-

ны — ровно, без перерыва, как гудит холодильник в пустой квартире. Воздух был насыщен запахом железа и сладкой, тягучей химией. Как в морге. Я там бывал однажды, когда опознавал отца. Тот же запах.

Я был привязан к кушетке. Ремни на запястьях, на щиколотках, поперёк груди. Голову держал мягкий обруч.

Рядом, на соседнем столе, лежали три чёрных мешка. Длинные. По форме было ясно, что внутри. Один — побольше. Второй — поменьше. Третий — совсем маленький.

Я долго смотрел на них. Потом перестал. Нельзя было смотреть.

Ко мне наклонился человек в белом халате. Маска на лице, шапочка, очки. Видны только глаза — холодные, как лёд в морозилке.

— Не двигайтесь, — сказал он. — Иначе будет хуже.

— Где я? — спросил я. Тряпки во рту уже не было, но язык всё равно слушался плохо.

Он не ответил. Повернулся к кому-то за моей головой, кого я не видел.

— Десятый, подай двенадцатый номер.

— Подаю, — ответил другой голос. Молодой, усталый, без выражения. Как будто этот человек давно забыл, как звучит его собственный голос, и говорил по памяти.

Звякнул металл.

— Что вы делаете? — спросил я. — У меня семья. Слышите? У меня жена. Дочь. Они не знают, где я. Мы поссори-

лись, я не… я им не сказал…

Человек в маске снова наклонился надо мной. Посмотрел в глаза. Долго. Без злобы. Без интереса. Как смотрят на прибор, проверяя, не мигает ли лампочка.

— Они знают, — сказал он. — Не волнуйтесь.

И я посмотрел на чёрные мешки. Большой. Поменьше. Совсем маленький.

Я закричал. Наверное, закричал. Я не слышал себя. Веки налились свинцом, усталость затягивала в темноту, словно в омут, и я цеплялся за неё, за белый свет, за гул машин, и не мог удержаться.

Последнее, что я увидел, — ослепительный свет над собой. Белый, безжалостный, как свет в конце чужого туннеля. И где-то в этом свете, на стыке сна и яви, на миг мелькнуло фиолетовое пламя.

Не огонь. Что-то живое. Пульсирующее. Застывшая душа, которая ждёт своего часа.

Оно смотрело на меня. И, кажется, жалело.

* * *

Миндрах снимает маску. Держит её на коленях. Не вешает.

— Ты спросишь, Элфдид, чем это кончилось, — сказал он. — Я не знаю, чем это кончилось. Я знаю, чем это кончается. Это разные вещи. В одном цикле он доехал до белой

комнаты и проснулся в капсуле, и его отражение до сих пор ходит по МоррисГраду, не зная, кем было. В другом — не доехал. В третьем он лежит на чужой кухне, и над ним стоит человек с винтовкой и не понимает, зачем пришёл. Я ношу все три маски. Они одинаковые. Только трещины в разных местах.

Ты слишком их жалееешь, — сказал голос за моим плечом.

— А ты — слишком мало, — ответил Миндрах и повесил маску на крючок.

Я сидела перед зеркалом до рассвета. Я думала о большом мешке, о том, что поменьше, и о совсем маленьком. И о том, что девушку в синем костюме звали почти так же, как девочку, которую я однажды держала на руках в ночь, когда мир не умел рожать детей. Почти. Одной буквой больше. Одним слогом длиннее.

Зеркало переставляет фигуры. Я записала это в тетради и подчеркнула два раза.

Глава 8. Подопытный номер десять

Миндрах снимает с крючка маску без лица. Гладкую, белую, как больничная стена. Надевает.

* * *

Холод в лаборатории особенный. Не уличный, не пронизывающий. Вязкий. Мёртвый. Будто стены пропитаны старой болью и страхом и отдают их обратно понемногу, по капле, как отдаёт сырость старый подвал. Сквозь вентиляцию тянет влагой, и в каждом вдохе привкус металла. Как от крови, засохшей на инструментах.

Доктор Миллер, закутанный в белый халат, медленно ведёт скальпелем по черепу подопытного шестьсот восемьдесят четыре. Металл скрежещет о кость. Звук отдаётся в висках, будто где-то под полом шевелятся крысы.

Я, счастливый подопытный номер десять, стою рядом и подаю инструменты.

* * *

Меня здесь не считают пленником. Скорее исключением. Тенью, которая забыла, каково это — чувствовать тепло. Мне позволяют помогать, потому что я единственный, кто

сумел выйти из летаргического сна и не сойти с ума.

Сначала врачи пытались вернуть меня в капсулу. Подключали, усыпляли, ждали. Я лежал под стеклом сутками и смотрел в потолок открытыми глазами. Сон меня не брал. Как будто за дверью, куда уходят все, кто засыпает, кто-то поставил моё имя в чёрный список. Потом они посмотрели на мою пустоту и поняли: я не опасен. Я уже наполовину мёртв.

Так я стал частью механизма. Живым призраком в белых стенах, где даже эхо шагов кажется чужим.

Иногда Миллер говорит со мной во время операций. Не потому, что ему интересно. Потому что тишина в операционной невыносима даже для него.

— Кэрриган, — говорит он, не поднимая глаз, — расширитель.

Я подаю расширитель.

— Ты знаешь, что сегодня число? — спрашивает он.

— Нет, — говорю я.

— Я тоже, — говорит Миллер. И больше ничего не говорит до конца смены.

* * *

За пределами «Светлого будущего» меня никто не ждёт.

Жена погибла в шестнадцатом. В одном из тех экспериментов, что разрослись по подвалам, как плесень. Официально тот проект давно закрыли — ещё в прошлом веке, со

скандалами, слушаниями, рассекреченными папками. Но такие вещи не закрываются. Они уходят в трещины и живут там, как живёт сам МоррисГрад: в сырости, в глухих коридорах, в документах, которых нет.

Джесси Кэрриган не выдержала дозы стимуляторов, созданных для контроля сознания. В последние минуты скальпель в её руке стал оружием. Десять врачей. Я видел записи. Мне их показали потом, когда я подписывал бумаги, — показали спокойно, как показывают фотографии ремонта. Она двигалась так, как не двигаются люди. И в глазах у неё горело то, что они в протоколах называли «зелёным сиянием». Не свет. Проблеск чего-то, что не должно было здесь быть.

Я знаю, что её толкнуло. Наша дочь. Она тоже была подопытной. Ей было девять.

Поэтому я сам пришёл сюда. Не за деньгами, не за правдой. За смертью. Я хотел лечь в ту же капсулу и уснуть так, как уснули они. А нашёл худшее. Вечную тень. Жизнь без смысла, которая не кончается.

* * *

Сон во сне. Так это называют техники в курилке.

Когда тело лежит в капсуле, сознание блуждает в других мирах. Там летают драконы. Там магия течёт по венам, как кровь. Там тысячи подопытных живут вторую жизнь, и все они настоящие. В МоррисГраде каждый шаг отзывает-

ся эхом: по булыжникам стучат каблуки, за окнами скрипят ставни, в подвалах пахнет плесенью и гарью. Там люди едят хлеб, пьют вино, сражаются и умирают.

А здесь в это время тело дышит через трубки, и машина подаёт питательные вещества в кровь.

И смерть там — не игра. Это я знаю точно. Если там тебя убить по-настоящему, здесь ты не умрёшь. Ты будешь лежать под стеклом, и мониторы будут показывать пульс, и техники будут менять трубки. А внутри ничего не будет. Миллер называет это «пустой капсулой». У нас их на третьем этаже сорок две.

Одна из них — Джесси.

* * *

Я слышал про другие миры. Тут, в коридорах, про них говорят так же буднично, как про погоду.

«Светлое будущее» строит. Другие покупают. Корпорации приходят с договорами, с юристами, с презентациями. Каждая хочет собственную вселенную. Alzor Corporation. Overmobile. VMMO. ТБ. Aigrind. Названия на папках в архиве, на пропусках командировочных, на кружках в буфете.

Так появился Альказак — подмир Аринара. Его делали на обрывках бюджета, наспех, но населили армиями завоевателей, и он оказался крепче, чем рассчитывали. Так появился Мир теней — отголосок старой игры, который вдруг обрёл

плоть и пространство и перестал помнить, что был игрой. И так появился Тюремный беспредел. О нём говорят только шёпотом. Туда отправляли тех, кого не хотели видеть ни здесь, ни во сне. И там, говорят, единственное правило — что правил нет.

Но в эти миры могут проникать не только подопытные. Обычные спящие тоже. Люди, которые просто легли спать у себя дома, в Киеве, в Харькове, где угодно, и провалились чуть глубже, чем следовало. Без чипа они собой не управляют. Их мысли и движения — нитки в чужих руках. Живые марионетки. Тени на стенах МоррисГрада. Они просыпаются утром и думают, что видели странный сон. А там, по ту сторону, кто-то двигал их руками.

Я видел записи и этого. Девушка, которая во сне идёт по улице незнакомого города и держит в руке нож, и не понимает, чья это рука. Мужчина, который во сне стоит перед зеркалом и не может отвернуться. Миллер выключил запись, когда заметил, что я смотрю.

— Это не твоё дело, Кэрриган, — сказал он.

— Чьё? — спросил я.

Он не ответил.

* * *

Я возвращаюсь к операции.

Скальпель блестит в руках Миллера. В этом блеске на миг

отражается фиолетовый отсвет. Как будто кто-то посмотрел на нас из глубины лезвия. Я моргаю. Отсвет исчезает.

В мозг подопытного вживляют контроллер. Маленький, серебристый, размером с ноготь. Я подаю пинцет. Миллер работает молча и точно, как часовщик. Подопытный шестьсот восемьдесят четыре дышит ровно. Я видел, как его привезли. Худой мужчина с разбитым виском. Девушка в синем костюме несла его папку, и мужчина, с которым она приехала, называл её дочерью.

Рядом с операционным столом, на каталке, лежат три чёрных мешка.

Слишком тяжёлые, чтобы быть пустыми. В них затаилась обречённость. Даже воздух вокруг них гуще, липче. Я стараюсь на них не смотреть. Не получается.

— Что там? — спрашиваю я врача в маске, ассистента Миллера. Его голос звучит глухо, будто сквозь слой пепла.

— Жена и дочь шестьсот восемьдесят четвёртого. Забрали, чтобы не подняли шум. Им тоже внедрим контроллер. Подготовим к погружению.

В этих словах нет ни жалости, ни надежды. Только пустота, как в глазах статуи.

Я смотрю на третий мешок. Он меньше первого, но больше второго.

— А здесь?

— Амалия Леттер, — отвечает он, будто припоминает чужое имя из списка. — Долг не там взяла. Не у тех людей.

Попала к садисту. Он снял с неё кожу. Говорил, так «ближе к душе». Но сердце живо. Мозг цел. Тело восстановим. Запечатаем в капсулу.

Он помолчал. Потом добавил, и это было самое человеческое, что я слышал от него за все месяцы:

— Может быть, там у неё сбудется. Она хотела стать поваром.

* * *

Миллер отложил скальпель и кивнул мне. Следующий инструмент. Я подал.

В тишине операционной слышалось только дыхание машин, шелест вентиляции и едва уловимый запах горелого, смешанный с химией и чем-то сладким. Я держал поднос. Мне казалось, что руки у меня дрожат. Но здесь дрожь давно не считалась признаком человечности. Здесь холод становился частью тебя, как обречённость, которая входит в кости вместе с тенью города.

Я подумал о Джесси. О её глазах на записи. О зелёном сиянии. Я подумал, что когда-нибудь меня тоже положат в капсулу — не для сна, а чтобы освободить место у операционного стола. И что я, может быть, проснусь где-то там, в мире, который делали на обрывках бюджета. Под чужим небом. С чужим мечом. И что меня там будут звать так же, как здесь.

Каин Кэрриган. Подопытный номер десять.

Интересно, станет ли там кто-нибудь мне сниться.

* * *

Миндрах снимает маску и долго держит её перед лицом, будто не решается отпустить.

— Он проснулся, Элфдид, — сказал старик. — Не здесь. Там. Ты знаешь где. Ты его даже встречал. Только он не помнил ни Миллера, ни Джесси, ни белой комнаты. Он помнил, что у него когда-то было что-то, что у него отняли. И этого хватило, чтобы он стал тем, кем стал.

Не рассказывай ему всё сразу, — сказал голос за моим плечом. — *Пусть догадается сам.*

Я записала это и долго сидела над страницей.

Каин Кэрриган. Маг из Дарктерия. Один из четверых, кого «Дети ночи» взяли в плен после Фрактала. Человек с пустым лицом, о котором я ещё расскажу в своё время и о котором до этой ночи думала только одно: что он был злым.

Я не знаю, тот ли это Каин. Я не знаю, бывает ли один и тот же человек в двух мирах. Я знаю, что он стоял у операционного стола и подавал инструменты, и думал о жене и дочери, и не мог уснуть. И что потом, когда наконец уснул, проснулся у нас.

Зеркало не отвечает на вопросы. Оно только показывает.

Глава 9. Мэлма

Миндрах снимает с крючка маску девочки. Тонкую, бледную, с чуть приподнятыми уголками губ, будто она хотела улыбнуться и передумала.

* * *

Меня зовут Мэлма. Мне восемьсот пятьдесят тысяч лет. Или около того. Я потеряла счёт.

Циклы стирают память. Я больше не знаю, какой сейчас год, какой мир, какая жизнь. Старик Миндрах уверяет, что это начало второго временного цикла. Но разве в этом холоде, где стены пахнут сыростью и пеплом, можно верить в то, что время течёт в одну сторону? Здесь всё кажется отражением. Искажением. Даже собственное имя звучит как эхо в пустом коридоре.

Жизнь — это круг. Мы стареем, умираем. А потом вдруг всё идёт вспять. Молодеем. Исчезаем. Рождаемся снова. Время играет с нами, как ребёнок играет со сломанной игрушкой: а если повернуть назад? И всё подчиняется этой игре. Дома. Улицы. Люди. Даже боль возвращается. Не отпускает — затягивает, как ледяная вода.

* * *

Говорят, всему виной сбой в Бета-мире.

Я слышала это от Миндраха столько раз, что могу повторить его словами, с его паузами.

— МоррисГрад соткан как отражение, — говорит он. — Это не ошибка, это замысел. Под ним лежит Бета-мир, корневая основа. Как черновик под чистовиком. А над ними — зеркала. Их усилили микрочипами. Зачем? Чтобы согласовать два потока реальности. Чтобы то, что течёт там, и то, что течёт здесь, текло в одну сторону и с одной скоростью.

— Какие два потока? — спрашивала я в первый раз. Тогда я ещё спрашивала.

— Альфа, — говорил он. — И та, другая. Её жители зовут её Землёй. Они почти одинаковые, Мэлма. Почти. Там тоже есть Киев. Там тоже есть «Светлое будущее». Там тоже есть ты. Только небо разного цвета, и войны разные, и некоторые люди родились в одном потоке и не родились в другом.

— И где мы?

Он молчал. Долго. Потом говорил:

— Я не знаю, на какой из двух сторон стоял тот Киев. Может быть, на обеих. Может быть, ни на одной. Зеркало должно было отразить момент. А вместо этого стало дробить время, разрывать его в клочья.

— Какое зеркало?

— Главное. С серебряным покрытием. Оно стоит в Тихом океане, на дне, там, где никто не станет искать. Всё дело в

нём. В один миг появились тысячи несовпадений. Тысячи ошибок. Отражение стало искажением. И теперь никто не знает, кто смотрит в зеркало, кто управляет циклом, а кто — только отражение, которое тонет в темноте.

Я слушала его. Кивала. А в глубине знала: дело не в зеркале. Я сама стала центром цикла. Или просто жертвой, которой не суждено выбраться. Иногда мне кажется, что это одно и то же.

* * *

Миндрах снимает маску Мэлмы. Смотрит в огонь.

— Элфдид, — сказал он. — Ты ещё здесь? Ты слышишь меня? Какой цикл твой? Не знаешь? Я тоже не знаю. Но однажды я расскажу тебе историю, которая объяснит больше. Чуть позже. Не сейчас.

Надевает маску Мэлмы снова.

* * *

— Папа?

Голос мой звучал глухо, будто тело заперли в мягкой клетке. Комната была обита подушками и пуфами, чтобы звук не уходил наружу. Темнота давила. Только тонкий луч света пробивался сквозь щель под дверью, и в этом луче плясали пылинки, похожие на крохотные искры фиолетового пламе-

ни.

Я была жива. Радости от этого не было. Только липкая тревога, которая прилипла к коже вместе с запахом плесени.

Сейчас мне было тринадцать. Это я знала точно. Тело говорило: короткие пальцы, острые колени, волосы до лопаток, которые никто не расчёсывал. И я знала ещё одно. В этом цикле отец меня ненавидел. За взгляд. За слово. За дыхание. Он запирал меня в подвале, где стены пахли плесенью и страхом.

Я не помнила, как сюда попала. Не помнила даже его лица.

Это значило одно: я перескочила цикл. Такое бывает редко. Но всегда пугает. Как будто ты шла по лестнице, а одной ступеньки не оказалось, и ты летишь вниз, и не знаешь, сколько ещё лететь.

Я поднялась. Ноги были слабыми, будто я долго лежала. Отряхнула красный сарафан — он был мне велик, явно с чужого плеча, и подол был в пыли. Подошла к двери.

Тишина была слишком густой. Как будто город затаил дыхание. За стеной, далеко, гудели улицы: скрипели трамваи, лаяли собаки. Но здесь всё было приглушено. Мир за стеной существовал отдельно, в своём времени.

— Пап! — позвала я ещё раз.

И услышала свой голос.

Не эхо. Эхо так не делает. Голос прозвучал из другого конца дома, с опозданием, будто кто-то повторил моё слово, но чуть иначе, чуть старше, чуть спокойнее. Как отражение в

разбитом зеркале, которое двигается не в такт.

— Мэлма, дорогая!

Это был отец. Голос грубый, тяжёлый, и даже сквозь тысячи циклов я его боялась. Тело сжалось само, раньше, чем я успела подумать. Но он говорил не мне. Он говорил куда-то в пустоту. За дверью был коридор, я видела его в щель — пустой, тёмный. От этого страх только рос, как тень, которая ползёт по стене, когда кто-то несёт свечу.

Я сказала:

— Ты же не против, если мы пойдём погулять?

И тут же услышала то же самое. Те же слова. Чужим голосом. Моим голосом, только произнесённым кем-то другим, в другой комнате, в другой жизни.

Сердце застучало. В груди стало тесно. Я не понимала, кто говорит — я или тень. Я прижала ладони к двери, и дверь была тёплой. Как будто с другой стороны кто-то тоже прижал ладони.

Мир провалился.

* * *

Мы ехали в машине.

Отец за рулём. Я — на переднем сиденье. На заднем — мужчина. Связанный, с разбитым виском. Музыка играла тихо, слишком спокойно для того, что происходило. За окнами плыли тёмные улицы — мокрый асфальт, тусклые фона-

ри, окна домов, за которыми дрожали огоньки. Город смотрел на нас и не моргал.

— Что вам нужно? — прохрипел мужчина сквозь тряпку.

Никто ему не ответил. Только дыхание и стук капель по крыше.

— Мэлма, — сказал отец. Голос был странный. Чужой и знакомый одновременно. — Заткни подопытного.

Я почувствовала, как моё тело двинулось.

Само. Без меня. Руки вынули из бардачка чистую тряпку. Повернули меня назад. Я перегнулась через спинку сиденья и сунула тряпку мужчине в рот — глубже, плотнее. Другой рукой, другим лоскутом, вытерла кровь у его виска. Осторожно. Бережно. Я слышала собственный смех. Тихий, довольный. Я не смеялась. Смеялось тело.

Всё происходило без меня. Кто-то другой смотрел моими глазами. И в отражении бокового стекла на миг вспыхнуло фиолетовое пламя. Я ощутила, что оно смотрит на меня. Не как на человека. Как на сосуд. Как смотрят на кувшин: подходит ли по размеру.

— Пап, — прошептали мои губы, когда тело вернулось на место. — Ты не слишком сильно его ударил?

— Нет, всё в порядке, — холодно ответил Марк. — В договоре сказано, что он был грузчиком. Я перестраховался.

Подопытный? Какой подопытный? — кричал мой разум. *Что я делаю? Кто этот человек? Почему я знаю, что он был грузчиком?*

Тело не слушалось.

Тогда я сделала единственное, что могла. Я стала считать. Вслух. Это был старый способ, я помнила его из какого-то другого цикла. Если считаешь вслух, ты держишь рот. Если держишь рот, держишь хотя бы его.

— Пятьдесят шесть. Пятьдесят семь. Пятьдесят восемь.

Голос совпадал с моими мыслями. Значит, тело ещё слышало меня? Или это пламя внутри повторяло за мной каждое слово, отражаясь в каждом звуке, как насмешливый попугай?

Отец засмеялся и потрепал меня по щеке. Рука была ледяная. Чужая. В этот миг я почувствовала, как холод улиц проникает в меня через это прикосновение и оставляет после себя пустоту.

Мир снова потемнел.

* * *

Я открыла глаза.

Та же машина. Тот же холод. Запах мокрого пластика и чего-то сладкого, будто в салоне пролили сироп. Отец смотрел на дорогу, и в его глазах отражался не свет, а темнота.

— Считай от шестидесяти до одного, — сказал он.

Я подчинилась.

— Пятьдесят девять. Пятьдесят восемь. Пятьдесят семь…

На миг я снова почувствовала контроль. Пальцы. Свои. Я

пошевелила ими, и они пошевелились. Я хотела повернуть голову, посмотреть на отца, по-настоящему, спросить: *кто ты? в каком мы цикле? ты меня ненавидишь или нет?* — и контроль исчез. Будто кто-то выдернул нитку.

Где-то на границе сна и яви я снова увидела пламя. В отражении стекла. Оно дрожало. Оно смотрело. Не просто сила. Живая душа, которая ждёт, когда я оступлюсь.

— Мэл, — вдруг сказал отец. Нервно. Совсем по-другому, чем раньше. — Всё не так. Мы можем не успеть его довезти.

Мэл. Он назвал меня короче. Так меня не звали в этом цикле никогда.

Я обернулась. Мужчина на заднем сиденье был неподвижен. Голова упала на грудь. Я протянула руку — свою, на этот раз точно свою — и вынула кляп. Изо рта у него хлынула кровь. Тёмная. Много.

Он был мёртв.

— Пап, — прошептала я. — Ты не сказал, что он мёртв.

— Мне и самому не сообщили, — ответил отец и сжал руль так, что побелели костяшки. — Но я понял это ещё тогда, когда мы сажали его в машину.

— Тогда зачем мы едем?

Он не ответил.

Я смотрела на мёртвого. Голова кружилась. Дыхание сбивалось. Худой мужчина с разбитым виском. У него было лицо человека, который не попрощался. Я отвернулась к окну.

За стеклом улицы были незнакомыми. Но в отражении

плясали фиолетовые огоньки. Не свет. Чужая душа, которая искала, в ком поселиться.

Я знала: это не сон. Это новый цикл. И в нём я снова не хозяйка себе.

И, может быть, никогда не была.

* * *

Миндрах снимает маску. В этот раз он вешает её не на крючок, а кладёт на каминную полку, лицом вниз.

Ты к ней слишком привязан, — сказал голос за моим плечом. Без насмешки. Почти тихо.

— Она самая старая из всех, — ответил Миндрах. — Восемьсот пятьдесят тысяч лет, Элфдид. Ты можешь себе представить? Она была здесь, когда ещё не было никакого МорисГрада. Только черновик. Только Бета. Она сама не помнит. А я помню. Я помню, как она в первый раз спросила меня, почему у неё два имени.

— И что вы ей ответили? — спросила я.

Я спросила вслух. Не выдержала. Я сидела перед зеркалом с тетрадью на коленях, и вопрос сорвался с губ раньше, чем я успела его остановить.

Миндрах замер.

Он медленно повернул голову. И впервые за все ночи посмотрел прямо на меня. Не мимо. Не на раму. На меня. Глаза у него были серые, очень старые и очень усталые.

— Я ответил, — сказал он, — что одно имя дают люди. А другое — мир. И что ей повезло: обычно мир не утруждается.

Стекло помутнело, будто на него дохнули. Когда оно прояснилось, комнаты с масками там не было. Была я. С тетрадью на коленях. С разными глазами.

Я долго не могла уснуть в ту ночь. Я думала о ночи в Обители, когда Ника кричала, а над младенцем мигало окно и не могло решить, какое имя написать. Длинное. Короткое. Длинное. Короткое. А потом ребёнок заплакал, и мир выбрал.

Я думала: интересно, кто выбирал за ту девочку в красном сарафане.

И кто будет выбирать за Мэл.

Глава 10. Марк

Миндрах берёт с крючка тяжёлую мужскую маску. На скуле у неё трещина, аккуратно заклеенная, как заклеивают чашку, которую жалко выбросить.

* * *

Дождь стекает по стеклу и размывает редкий свет фонарей. В каждом отблеске — холодная пустота. Город за окном из тех, где ночь не заканчивается, а влага проходит сквозь бетон и оставляет на сердце липкий след.

Я сижу на краю кровати. В комнате пахнет мокрым деревом и застарелым страхом. В коридоре слабый шелест шагов, будто кто-то осторожно пробирается сквозь темноту. Это Мэл. Моя дочь. Мой последний якорь.

* * *

Я потерял смысл в тот день, когда погибла Ника.

Не было громких рыданий. Не было истерик. Был холод, который вполз в кости и остался там. Всё вокруг стало чужим, даже собственное тело. Я смотрел на свои руки и не понимал, почему они делают то, что делают: наливают чай, застёгивают Мэл куртку, подписывают бумаги. Руки помни-

ли, как жить. Я — нет.

Мэл держалась рядом. Слишком спокойно для своих лет. В её глазах отражался тот же мрак, что поселился во мне. Она улыбалась, но улыбка была блёклой, как свет фонаря в тумане. Я не мог ей ответить. Голос застревал в горле. Мысли вязли.

Я помнил каждую деталь. Как волосы Ники пахли хлебом и мёдом. Как по утрам она тянулась ко мне через полусонную негу и говорила: «Ещё пять минут». Как она пела Мэл, когда та болела, — фальшиво, смешно, и Мэл смеялась сквозь температуру. Теперь — только пустота, разлитая по квартире, как запах гари после пожара. Я цеплялся за воспоминания. Они жгли сильнее, чем сама утрата.

Я не говорил Мэл, как это случилось. Она не спрашивала. Иногда мне кажется, что она знает больше, чем я. Иногда — что она знает другое. Что в её памяти мать погибла не так, как в моей, и не в тот день, и не в том городе. Я не проверял. Я боялся.

* * *

— Пап.

Голос Мэл едва слышен, будто пробирается сквозь толщу воды. Она стоит у двери, в тени, и кажется, что сама становится частью темноты.

— Ты ведь не против, если мы выйдем?

Я вздрагиваю. Эти слова я уже слышал. Не помню где. Не помню когда. Тем же голосом, с той же паузой посередине. Как будто кто-то когда-то записал их и теперь проигрывает снова.

Я киваю. Слов нет. Может быть, на улице будет легче дышать. Может быть, влажный воздух смоет хотя бы часть боли.

— Пошли, — выдавливаю я. Голос глухой, будто из-под земли.

* * *

Вечер вязнет в тумане. Листья под ногами хлюпают. Асфальт блестит. Где-то далеко шумит город: трамваи, сирены, собаки. Но всё это звучит как за стеной. Мэл идёт рядом. Шаги лёгкие, но в каждом движении напряжение, будто она ждёт подвоха. Она смотрит на мокрый свет фонаря, и в этом взгляде вопрос, на который у меня нет ответа.

— Пап, — говорит она. — А мама видела фиолетовое?

Я останавливаюсь.

— Что?

— Фиолетовое. — Она показывает на фонарь. Там ничего нет. Жёлтый свет, капли, мошкара. — Иногда в окне. Иногда в зеркале. Как огонёк. Я думала, может, мама тоже видела. Перед тем как.

Я смотрю на фонарь. Потом на неё.

— Не знаю, — говорю я. — Не знаю, малыш.

Она кивает. Как будто именно это и ожидала услышать.

В кармане вибрирует телефон. Сквозь сырость и холод этот звук кажется чужим. Как будто кто-то вторгается в мою жизнь из другого мира.

— Да? — бросаю я, не скрывая раздражения.

— Марк. — Голос Миллера сухой, как пепел. Без оттенков. — Один человек. Киев. Долги. Координаты пришлю. Сегодня.

Я оборачиваюсь. Мэл уже не одна.

* * *

Рика стоит рядом с ней. Моя сестра. Пальто тёмное, будто впитало всю влагу города. Глаза у неё ледяные, взгляд скользит по мне, как нож по стеклу. Она обнимает Мэл за плечи. Между нами вырастает стена. Не из слов. Из недосказанности.

— Принято, — коротко говорю я в трубку. Линия обрывается. В воздухе остаётся глухое эхо.

— И что теперь? — Рика смотрит на меня. Голос тихий, но в каждом слове упрёк, как в этом дожде, который не перестаёт. — Думаешь, вытащишь её один? Ты сам уже растворяешься в этом городе.

— Ты откуда здесь? — спрашиваю я. — Ты же уехала.

— Вернулась. — Она пожимает плечами. — Мне написа-

ли из школы. Что Мэл приходит в одной и той же одежде неделю. Что она рисует на полях одно и то же. Огонь. Знаешь, какого цвета?

Я молчу.

— Работа есть, — говорю я наконец. Голос ломается, как сырое дерево. — Я справлюсь.

Рика подходит ближе. Слова её становятся колкими, как ледяная крошка.

— Работа? Ты исчезаешь по ночам. Приносишь деньги, которые пахнут страхом. Чем ты её кормишь, Марк? Ты хочешь, чтобы она жила в этом холоде, среди теней?

Мэл жмётся к ней. Её взгляд скользит мимо меня. В её глазах я уже не отец. Тень, случайно оказавшаяся рядом. Воздух между нами тяжелеет, становится вязким, и каждое движение отзывается болью, будто кто-то сжимает сердце в ледяной руке.

— Я отец, — говорю я. Пальцы дрожат. — Я должен…

— Ты должен был быть рядом, когда умирала Ника, — перебивает Рика. В голосе не злость. Усталость. — Но ты выбрал исчезнуть. Я заберу Мэл, если понадобится. Лучше я, чем ты, Марк.

— Ты? — Я почти смеюсь. — Ты сама себя не можешь удержать. Ты спишь по шестнадцать часов. Ты рассказываешь про котов размером с человека и про алтари, которые исполняют желания. Ты…

Я осекаюсь. Рика смотрит на меня так, будто я её ударил.

— Это не твоё дело, — говорит она тихо. — Где я бываю, когда сплю.

Она тянет Мэл за руку. Девочка сжимается, не понимая, что происходит. Я делаю шаг вперёд и стараюсь говорить спокойно:

— У нас поездка. Работа. Она поедет со мной.

Тишина. Только капли по стеклу припаркованных машин, и в их стуке что-то обречённое.

Рика отворачивается. Плечи её дрожат. Когда она снова смотрит на меня, в её глазах предчувствие беды.

— Береги её, — шепчет она. — Ты последнее, что у меня осталось. Где ты работаешь, Марк? Скажи. Хоть раз — правду.

Я замираю. Слова застревают в горле, как осколки стекла. В этот миг я понимаю: любой выбор уже приговор.

— В «Светлом будущем», — выдыхаю я. — Доктор. Всё будет нормально.

Слова растворяются в сыром воздухе, как клятва, которую никто не услышит.

Я знаю, что ничего не будет хорошо. Здесь даже надежда пахнет плесенью и гарью. А фиолетовое пламя в глубине ночи наблюдает за каждым нашим шагом, вплетаясь в судьбу, как будто это душа самого города.

* * *

В машине Мэл молчит. Я веду и смотрю на дорогу. Координаты пришли через десять минут. Киев, окраина, пятиэтажка. Третий этаж. Фамилия, которую я знаю: видел её в списке грузчиков, которые однажды уронили ящик.

— Пап, — говорит Мэл, не поворачивая головы. — Ты меня ненавидишь?

Я едва не проезжаю на красный.

— Что? Нет. Господи. Нет. Почему ты…

— Иногда мне снится, что ненавидишь, — говорит она. Ровно, как говорят о погоде. — Что ты запираешь меня в комнате с подушками. Что я там долго. Очень долго. И что я тебя боюсь. А потом я просыпаюсь, и ты варишь кашу. И я не знаю, где правда.

Я смотрю на неё. Тринадцать лет. Острые колени. Волосы, которые некому расчесать.

— Здесь, — говорю я. — Правда здесь. Где каша.

Она кивает. Отворачивается к окну.

Я не говорю ей, что мне тоже это снится. Что я тоже стою у двери с подушками и не помню, зачем её запер. Что во сне я её не узнаю.

* * *

Миндрах снимает маску. Трещина на скуле разошлась ещё на волос.

— Ты заметил, Элфдид? — спросил он. — В прошлой

маске она называла его «папа» и боялась его. В этой он её отец и боится сам. Это один и тот же человек. И одна и та же девочка. Просто зеркало повернули на полградуса.

А Рика? — спросил голос за моим плечом. Мне показалось, что впервые он спросил не насмешливо, а с интересом.

— Рика — сестра Марка, — сказал Миндрах. — В этом потоке. В другом она чья-то ещё сестра. Ты знаешь, как это бывает со снами. Ты засыпаешь чьей-то сестрой, а просыпаешься и не помнишь, чьей. Она будет искать своего брата всю жизнь. Во всех мирах. И найдёт. Только это ей не поможет.

Я перестала писать. Я смотрела на последнюю строчку.

Рика.

Я знала это имя. Тогда ещё не знала, откуда. А потом — потом в Альказаке появилась девушка с белыми волосами, которая звала моего отца «братиком» и смеялась так, что у меня мёрзли пальцы. Я расскажу о ней в своё время. Сейчас скажу только одно.

Миндрах был прав. Она нашла.

Глава 11. Антон

Миндрах снимает с крючка маску подростка. Узкую, с упрямо сжатым ртом.

— Элфдид, не засыпай, — сказал он. — Теперь моя маска и мои мысли. Я — Антон.

* * *

Время здесь не идёт. Оно капает, как вода из ржавой трубы, и каждая капля напоминает, что ты лишний.

В детском доме всегда пахнет влажностью, старым бельём и чем-то кислым, будто стены впитали не только сырость, но и чужие слёзы. Я ждал мать с пяти лет. Ждал, что однажды она появится в дверях, обнимет, скажет, что всё было ошибкой, что её задержали, что она искала. Я придумывал ей причины. Болезнь. Тюрьма. Другая страна. Я придумывал ей лицо. Каждый год немного другое.

Годы сливались в серую муть. Вот мне пятнадцать. Я уже не верю, что кто-то придёт. Детский дом стал домом не потому, что я привык. Просто другого не было.

* * *

На плаву меня держала только Рика.

Худая женщина с усталыми глазами, в которых отражался свет ламп и тени коридоров. Она работала у нас воспитательницей недолго — полгода, может, чуть больше. Но стала мне ближе всех. С ней можно было говорить о том, о чём даже думать страшно. Она умела смеяться. Умела слушать. Умела спорить и проигрывать. Этим она отличалась от остальных, кто носил маску равнодушия, как носят форму.

По вечерам, после отбоя, она сидела в коридоре на подоконнике и читала. Я выходил «в туалет» и садился на пол напротив. Она делала вид, что не видит. Потом откладывала книгу.

— Не спится? — спрашивала она.

— Не хочется, — говорил я.

— Правильно, — говорила она. — Сны переоценены.

А потом рассказывала. Про огромного кота, мягкого, как облако, который спит у алтаря и шевелит ухом, когда ему рассказывают сказку. Про ледяной кристалл, который превращается в огненный, если улыбнуться. Про мальчишку-мага в потёртом плаще, который однажды назвал её сестрёнкой и исчез.

— Это всё правда? — спросил я однажды.

— Нет, — сказала она. Подумала. — Да. Не знаю. Какая разница, Антон? Мне от этого теплее. Тебе тоже?

Мне было теплее.

Я ревновал её к её историям. К тому мальчишке в плаще. Я знал, что мы никогда не будем рядом — она взрослая, я

детдомовский, — но цеплялся за неё, как цепляются за спасательный круг, даже понимая, что круг не твой.

* * *

В тот день во двор привезли ребёнка.

Маленький, не старше трёх лет. Он плакал так, будто ему вырывали сердце. Взрослые, которые его привезли, смотрели на него устало. Передали директору, как сдают ненужную вещь в камеру хранения. Мужчина даже не наклонился к нему. Женщина наклонилась, поправила ему шапку. И отвернулась.

Я стоял у окна на втором этаже и чувствовал, как холод проникает в меня, как сквозняк, которого не остановить.

Рика выбежала во двор без пальто. Схватила мальчишку на руки. Он вцепился ей в волосы и заорал ещё громче. Она стояла с ним посреди двора, под мокрым снегом, и что-то говорила ему, не переставая. Я не слышал что. Видел только губы.

— Антон. — Голос Марины Александровны за спиной был мягким, но в нём сквозила обречённость. — Тебя ждут новые родители.

Я обернулся.

У дверей стояли мужчина и женщина. Напряжённые, собранные. Будто пришли не за сыном, а на сделку. В их глазах не было ни тепла, ни любопытства. Только ожидание. Муж-

чина был в очках, в хорошем пальто. Женщина держала перчатки в руке и постукивала ими по ладони.

— Может, я не хочу, — выдавил я.

Директор покачала головой.

— Документы подписаны. Ты должен идти.

Я опустил глаза.

— Лучше бы Рика меня забрала.

— Рика здесь временно, — сказала Марина Александровна. И тише, мне одному: — Как и все мы. Посмотри на них. Идеальная пара.

Я снова посмотрел. И увидел не идеал. Пустоту. Аккуратную, выглаженную, в хорошем пальто.

Спорить было бессмысленно. Я подчинился.

Когда я выходил через двор к машине, Рика всё ещё стояла там с плачущим мальчишкой. Она увидела меня. Увидела тех двоих. Лицо у неё изменилось. Она шагнула ко мне, не выпуская ребёнка.

— Антон…

— Всё нормально, — сказал я. Я не знал, что ещё сказать.

Она смотрела на мужчину в очках. Долго. Как будто узнала.

— Куда вы его везёте? — спросила она.

— Домой, — ответил мужчина. Вежливо. Без выражения.

Рика ничего больше не сказала. Только прижала к себе мальчишку крепче. А я сел в машину.

* * *

Машина катится по мокрому асфальту. За окнами серый горизонт. В салоне душно, воздух тяжёлый, будто в нём растворён чей-то страх. Я сижу сзади и стараюсь не встречаться глазами с новыми «родителями». Их лица отражаются в стекле, и кажется, что за ними — только тени.

— Почему тот ребёнок оказался там? — спрашиваю я, не выдержав тишины, которая давит на уши, как вода.

Женщина поворачивается. Голос ровный. Ни сожаления, ни злости.

— Сын знакомых. Попросили отвезти.

— Почему они от него отказались?

Мужчина за рулём медлит. Голос глухой.

— Мешал их будущему.

Я усмехаюсь. Пытаюсь спрятать дрожь.

— Дети мешают будущему?

Он резко тормозит. Машину ведёт на мокром асфальте. Он оборачивается. В его взгляде не ярость. Пустота. Холодная, как зимний туман. На миг мне кажется, что он сейчас ударит меня. Женщина кладёт руку ему на плечо.

— Не стоит, Томас.

Он выдыхает. Снимает очки. Протирает их платком, медленно, тщательно, каждое стекло. Надевает. Трогается.

— Какое будущее без детей? — говорю я. Я не хочу отпускать этот разговор. Как будто держусь за край.

— Светлое, — тихо говорит Томас. — Там, где нет слабости. Где не нужно никого учить. Где люди живут вечно и не тратят себя на тех, кто исчезнет. Мир, где исчезают школы, нищета, подворотни. Остаются только те, кто достоин идти дальше.

Становится холодно. Будто сквозняк проник под кожу. Его слова звучат как приговор. Но в них нет ни злобы, ни надежды. Только усталость человека, который давно всё решил.

— А я вам зачем? — спрашиваю я. В груди сжимается комок.

Он смотрит в зеркало заднего вида. Его глаза встречаются с моими. И в них отражается что-то чужое. Фиолетовое. Как пламя, которое наблюдает за нами из-за стекла.

— Подумай об этом, — тихо говорит он. — А пока спи.

Голос его становится вязким, как туман, который стекает по стенам. Веки тяжелеют. Я пытаюсь бороться — щиплю себя за руку, кусаю губу, считаю фонари. Девятый. Десятый. Темнота накрывает. И на границе сна я чувствую, как фиолетовое пламя вплетается в мои мысли и смотрит, как я исчезаю.

Последнее, что я думаю: *Рика узнала его. Она его узнала*.

* * *

Миндрах снимает маску и держит её на ладони, как дер-

жат птенца.

— Он проснётся в Дарктерии, — сказал он. — Магом. Злым на весь мир и не помнящим почему. Рядом с ним окажется человек с пустым лицом, который подаёт инструменты. Они будут держаться друг за друга, потому что больше не за кого. Им будут говорить, что они преступники. Они и станут.

Ты опять жалеешь, — сказал голос.

— А ты опять нет, — ответил Миндрах.

Я записала это. Я подумала о двух магах из Дарктерия, которых «Дети ночи» вытащили из снега после Фрактала. О том, как Антон смотрел на всех исподлобья. И как Каин всегда стоял у него за плечом — не впереди, не рядом. За плечом. Как стоят ассистенты у операционного стола.

И ещё я подумала о мальчишке, которого Рика держала на руках под мокрым снегом. Миндрах о нём больше ничего не сказал. Я спросила — шёпотом, в стекло. Он сделал вид, что не слышит.

Глава 12. Станислав

— Знаешь, Элфдид, — сказал Миндрах, — иногда мне кажется, что даже твоё молчание здесь гуще, чем темнота за окном. Я хотел бы дать тебе право выбора. Но город и ночь всегда выбирают за нас.

Он встал и прошёл вдоль стены с масками. Остановился. Снял одну.

— Вот. Вся в запёкшейся крови. Глазницы затянуты дымом.

Повесил обратно. Снял соседнюю.

— Вторая. Треснувшая. Как личность, которая разламывается под тяжестью прожитого. Она просит, чтобы на неё посмотрели. Но не заслуживает.

Он держал её долго. Потом повесил и её.

На третьем крючке висела маска маленькая, женская, с детским лицом. Миндрах протянул к ней руку — и маска вспыхнула. Сама. Без огня. Тихо, как вспыхивает бумага, если поднести её слишком близко к свече. Миндрах не отдёрнул руку. Смотрел, как она горит, пока на крючке не осталась только щепотка серого пепла.

Это не я, — быстро сказал голос за моим плечом.

— Знаю, — сказал Миндрах. — Это она сама. Ей больше не во что было смотреть.

Он вернулся к первому крючку. Снял окровавленную мас-

ку.

— Теперь — его.

И надел.

* * *

Холодный рассвет стелился по улицам. Воздух был вязким — казалось, его можно зачерпнуть рукой.

У жены сегодня день рождения. Я помнил об этом с вечера. Записал на руке ручкой, чтобы не забыть, — смешно, как будто я мог забыть. Тридцать два. Я хотел вернуться домой с цветами, с простым подарком — она давно смотрела на серьги в витрине у метро, маленькие, с синим камнем. Я хотел вернуться с надеждой на ещё одну ночь без выстрелов.

Но работа всегда перечёркивает живое.

Моя работа — убивать. Я служил «Светлому будущему» не из идеалов. Из привычки. Как будто чужая рука тянула за ниточки, а я только переставлял ноги. Четверо детей. Жена. Счета, которые не ждут. Я оправдывал себя заботой. Но всё чаще ловил себя на мысли, что внутри пусто. Будто сердце выжгли кислотой и забыли вставить новое.

Иногда я думаю, что это началось не здесь.

Мне было двадцать с небольшим, когда я научился засыпать «глубже». Тогда многие пробовали — ложились, думали о чём-то одном, долго, упорно, и проваливались туда, где сон перестаёт быть сном. Я попадал в один и тот же мир. Вид-

ригор. Там не было времени пить кофе с друзьями. Там были кланы, которые выжимали новичков досуха, и один клан, который этого не делал. Странный клан, с дурацким детским названием. Я был у них лучшим воином. Меня звали Саламандр.

И однажды я открыл портал в Чёрный лес.

Я не люблю об этом вспоминать. Помню только корону. Простую, чёрную, на земле среди корней. Помню, как надел её. Помню, как скверна пошла по коже, изнутри, как будто я гнию заживо. Помню голос. И помню, что рядом стоял мой лидер, мальчишка-целитель, и что голос говорил уже не со мной, а с ним.

Потом я проснулся. В клане мне сказали, что я бредил. Я согласился. Через три месяца ушёл из Видригора навсегда. Оставил тому мальчишке номер телефона и своё настоящее имя. Станислав. Он так и не позвонил.

А корону я с тех пор вижу во сне раз в год. В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое июля. Не знаю почему.

* * *

Сегодняшняя цель — Марк Феллер. Он знал то, что не должен был знать. Приказ пришёл в шесть утра, сухой, как все приказы. Я занял точку на крыше напротив.

Дождь моросил, забирался под воротник, скользил по рукам вместе с дрожью. Винтовка была холодная, как змея.

Взгляд цеплялся за окна, где плясали тени. Я считал. Дыхание. Угол. Ветер. Всё, чтобы не думать о том, что за этим выстрелом стоит чья-то жизнь.

Пятый подъезд. Третий этаж. Окно кухни.

И вдруг — вспышка.

Фиолетовое свечение у подъезда. Будто сама ночь решила со мной заговорить. Оно сгущалось, вытягивалось, принимало очертания фигуры. Невысокой. В капюшоне. Воздух стал гуще, время — вязким, как в тех снах, где бежишь и не можешь сдвинуться.

Я моргнул. Фигура исчезла.

А сердце уже билось, как пойманная птица.

Я потерял момент. Внизу, у подъезда, Марк выходил из машины. На руках он нёс тело. Худое, мужское, с безвольно свисающей рукой. За ним шла девочка. Лет тринадцати. Он нёс тело так, как несут что-то, что уже нельзя спасти и нельзя бросить.

Я выругался сквозь зубы. Разобрал винтовку. Поздно. Теперь — только внутрь.

* * *

Подъезд встретил запахом сырости и застоявшейся боли. Шаги отдавались глухим эхом. Казалось, кто-то в подвале повторяет их за мной. На ступеньку позже.

На лестнице я столкнулся с девочкой.

Не с той, что шла за Марком. С другой. Младше. Хрупкая, с потухшим взглядом. Она уронила игрушку — плюшевого кота с оторванным ухом. Я поднял машинально, протянул. Она взяла. И в этот миг в её глазах мелькнуло что-то тёмное. Почти фиолетовое. Как отблеск того самого света у подъезда.

Она ничего не сказала. Повернулась и ушла вниз, в тень. Шагов я не услышал.

Я натянул капюшон. Маска липла к лицу, как вторая кожа. Подошёл к двери квартиры. В коридоре вспыхнул свет — фиолетовое сияние дрожало в воздухе, как насмешка. Сердце сжалось. Ладони вспотели. Я заставил себя войти.

* * *

Голос.

Женский. Как будто из другой жизни.

Ты ведь хочешь её…

Он звучал прямо в голове. Я едва не упал. Опёрся о стену. Фиолетовый туман застилал глаза. Дыхание сбивалось. Это не была галлюцинация — я знаю, как выглядят мои галлюцинации, после Видригора я их изучил. Это было другое. Чужое. Оно проходило сквозь меня, как рентген.

Её, — повторил голос. *Ту, что у тебя дома. Ты боишься, что она уходит, когда спит. Ты прав. Она уходит. Каждую ночь. К нему.*

— К кому? — прохрипел я вслух.

Голос засмеялся. И стих.

Я поднялся на второй этаж. Нет — на третий. Лестница была длиннее, чем должна. Дверь квартиры приоткрыта. Тёмные следы крови тянулись внутрь и исчезали в полумраке. Я шагнул через порог.

— Ты издеваешься надо мной! — Голос Марка сорвался. Как будто он говорил сквозь слёзы. Сквозь годы.

— Пап, разве не видишь, он живой?

Девичий голос. Хрупкий, как лёд на реке весной.

Я застыл за стеной в коридоре. Слушал. Девочка была с ним. Зачем? В воздухе пахло железом, страхом и чем-то сладким. Как будто смерть только что прошла по этим комнатам и оставила за собой духи.

— Папа!

Крик разорвал тишину. И за ним — три глухих хлопка. Выстрелы слились с эхом в голове.

Не мои. Я даже не достал оружие.

Я бросился вперёд. Опоздал.

Марк вылетел из кухни мне навстречу. В его глазах было безумие. Зрачки алые. А по ободкам — фиолетовый свет. Как будто сама душа этого города смотрела на меня через него.

Мы встретились взглядами. Секунда. Может, меньше. И я понял: здесь никто не выйдет победителем.

Марк исчез в коридоре. Растворился в тенях, как будто их

там было больше, чем стен.

Я вошёл в кухню.

* * *

На полу лежали двое.

Мужчина. Худой, с разбитым виском. Я знал его лицо — по фотографии в папке, которую видел мельком у Миллера. Максим. Губы сжаты, будто он пытался что-то сказать напоследок и не успел.

И рядом — девочка. С чёрными волосами. Крошечная, как кукла. Совсем не та, что шла за Марком. Совсем не та, что была на лестнице. Третья.

Холод в кухне был почти осязаемым. Казалось, даже свет лампы дрожит и не решается коснуться их лиц.

Я стоял и не мог двинуться.

Впервые за много лет убийца во мне молчал. Остался только человек. Чужой среди теней. Окружённый смертью и странным светом, который не отпускал, а только крепче сжимал горло.

На подоконнике лежал плюшевый кот с оторванным ухом.

В отражении окна на секунду вспыхнуло фиолетовое пламя. Не свет. Взгляд. Он прошёл сквозь меня, и я почувствовал, что он запомнил. Меня. Моё лицо под маской. Моё настоящее имя.

Я пришёл домой поздно ночью. Без цветов. Без серёг. Же-

на спала. Она в последнее время много спала. Я сел на край кровати и смотрел на неё. Она улыбалась во сне. Чему-то. Кому-то.

Она уходит, — сказал голос у меня в голове. *Каждую ночь. К нему.*

Я смотрел на неё до утра.

* * *

Миндрах снимает маску. Кровь на ней свежая. Он вытирает её рукавом и вешает на крючок, не глядя.

— Тебе не понравится то, что он сделает дальше, Элфдид, — сказал он. — Мне тоже не нравится. Но у этой маски нет другого конца.

Есть, — сказал голос за моим плечом. Тихо. — *Просто ты его не видишь.*

— А ты видишь?

Голос не ответил.

Я закрыла тетрадь. Руки у меня были холодными, как будто я сама стояла на той кухне.

Я не знала тогда, кто такой Станислав. Я узнала позже. Узнала от отца — из того, что ему сказал Алзор в фиолетовой комнате, где он висел в цепях. Узнала от белой девушки в маске котёнка. И узнала, что «он», к которому будто бы уходила во сне жена Станислава, — это мой отец. Будто бы. Голос в голове Станислава врал так же ласково, как врал

всем нам.

Я расскажу и об этом. Только не здесь. Здесь — зеркало. Здесь его правила.

Глава 13. Утконос

В ту ночь Миндрах долго не надевал маску.

Он сидел у камина и смотрел на маленькую фигурку на каминной полке. Не маску — статуэтку. Глиняную, грубую, детской лепки. Зверёк с плоским клювом и широким хвостом. Я сначала не поняла, что это. Потом поняла и чуть не засмеялась вслух.

— Не смейся, — сказал Миндрах. Не мне. Элфдиду. — Он тоже был живой. И любил сильнее, чем многие из тех, кто носит человеческие лица.

Миндрах, не надо, — сказал голос за моим плечом. Он звучал непривычно. Напряжённо.

— Надо, — ответил старик. — Ты сама хотела, чтобы он знал, откуда ты взялась. Вот отсюда. С этого.

Он взял статуэтку двумя пальцами, поднёс к лицу, будто маску, — и закрыл глаза.

* * *

Холод проникал даже сквозь металл шаттла. Здесь, под землёй, воздух был чужим, тяжёлым, пропитанным болью и ожиданием.

Я — всего лишь утконос. Я знаю это. Мне это говорили много раз, ласково и не очень. И всё же внутри меня что-то

скреблось, будто тень, которая не хочет исчезать.

Почему он так поступил?

Почему оттолкнул? Отправил вниз, в этот механический ад, где гул машин сливается с собственным страхом? Я знал, что я не человек. Но разве это лишает права на верность? На любовь? Он был для меня всем. Хозяином. Смыслом. Солнцем сквозь вечную ночь лаборатории. Я спал у него на столе, среди бумаг, и он гладил меня по спине, не отрываясь от чертежей, и называл «малыш». У него было фиолетовое одеяние, длинное, мягкое, пахнущее озоном и чаем. И глаза — розовые. Как рассвет, которого я никогда не видел.

Теперь — пустота. Только эхо его шагов, которое растворяется в равнодушии железа.

* * *

Новости на борту звучали как насмешка над чужой болью.

— Сегодня в семнадцать двадцать семь скончался Дмитрий Макаров, известный музыкант…

Слова тонули в гуле двигателей. Кто-то в отсеке выключил звук. Кто-то сказал: «Жаль, хорошие песни писал». Кто-то ответил: «Не отвлекайся».

Меня держала Евгения. Руки у неё были мягкие снаружи. Внутри — пустота. Я чувствовал это так, как звери чувствуют, что человек их не любит, а только держит. Рядом сидел Илья, молодой, с прыщом на подбородке и стеклянными гла-

зами. Он всё время что-то проверял на планшете.

— Глубина четыре двести, — говорил он. — Четыре триста. Давление в норме. Температура за бортом…

Я не слушал. Я хотел только его. Хотел снова увидеть фиолетовое одеяние, поймать розовый взгляд, прижаться к его рукам и забыть обо всём. Вместо этого — механический вой, закрытые люки, люди без лиц.

Я не принадлежал им. Я не принадлежал даже себе.

* * *

Когда мы добрались до центра Земли, вокруг клубился жар.

Трещали разломы. Чужие буровые выжгли пустоту вокруг ядра — гигантскую каверну, где стены светились красным, а воздух дрожал так, будто сам мир задыхался. Здесь, говорили, откроется новый портал в МоррисГрад. Не через зеркало, не через капсулу — через саму плоть планеты. Так, чтобы его нельзя было закрыть.

Цена была слишком велика. Я понял это сразу. Когда увидел стеклянные контейнеры. Когда услышал, как стонет земля.

Евгения в скафандре подняла меня. Я забился в её руках. Визжал. Звук терялся в плотном воздухе, будто его съедали.

Там, за шлюзом, начиналась смерть.

Я не хотел идти. Я царапался, кусался. И вдруг в отраже-

нии её шлема увидел его лицо.

Моего хозяина.

Розовые глаза смотрели прямо в меня. Мираж? Дар этого места? Или сама душа, которая не отпускает?

Ты справишься, мой утконос, — прозвучало в голове.

Или показалось.

Я замер. И на миг боль отступила. Я держался — не за жизнь. За этот взгляд. За то, чтобы быть рядом с ним хоть так.

* * *

Жар разъедал воздух. Жёг шерсть. Прожигал кожу. Боль накатывала волнами. Но я не сдавался. Ради него. Ради того, чтобы остаться в его памяти хотя бы отблеском.

— Илья, стекло! Быстрее! — крикнула Евгения.

Илья притащил контейнер. Наполнил лаву хрупкими листами стекла. Они не плавились сразу — плыли по поверхности, как льдины, и в каждом отражалось красное небо каверны.

Евгения прошептала:

— Крепись, дружок.

И опустила меня в кипящую пасть земли.

Я хотел кричать. Звук исчез. Осталась только боль.

Тело горело. Плавилось. А в отражении лавы, в каждом листе стекла, я снова видел его взгляд. Розовый. Глубокий,

как бездна. И в этом свете что-то дрогнуло. Фиолетовое пламя скользнуло по стеклу. И я понял: оно живое. Оно видит меня. Оно всегда было рядом.

Это твои последние дни, малыш, — прошептал голос Алзора у меня в голове.

Или это был не он. А сама тьма, которая вплелась в мои мысли и заговорила его голосом, потому что знала: его голосу я поверю.

* * *

Боль стала вечной.

Я не чувствовал лап. Не знал, где кончается тело. Меня пронзали раскалённые осколки. И в каждом отражении я видел себя. Тысячи себя. Все смотрели с разной тоской. С насмешкой. С ожиданием. Утконос, который любит. Утконос, который ненавидит. Утконос, который уже ничего не чувствует. Утконос, который смеётся.

Смех разносился в ушах. Мой собственный. Чужой, как эхо из другого мира.

— Я не умру ради науки!

Это вырвалось из меня. Но голос был не мой. Чей-то ещё. Будто фиолетовое пламя заговорило моим горлом.

Потом боль исчезла. Осталась пустота.

Но даже в ней я чувствовал: что-то наблюдает. Пронизывает. Не отпускает.

Почему он так поступил? Ради будущего? Ради успеха? Я был единственным, кто верил в него без остатка. Единственным, кто понимал, как ему одиноко за этими чертежами. Почему меня?

Я растворяюсь. Лечу сквозь тьму. И всё же вижу: тысячи глаз смотрят на меня. Одни — с ненавистью. Другие — с ожиданием. Я поднимаюсь в свет, где нет ни боли, ни любви. Где обещанное «Светлое будущее» холодно и пусто, как стеклянная клетка.

Но в последнем отражении — всё ещё его глаза.

И рядом, в глубине, отблеск фиолетового пламени. Оно не отпускает. Не забывает. Оно вплетается в мою душу, как нитка в ткань.

Связь между мирами существует. Она была во мне. Она горит, как живая, даже когда всё остальное уже темнота.

* * *

Миндрах опустил статуэтку. Поставил её на каминную полку. Руки у него дрожали.

— Вот так, Элфдид, — сказал он. — Вот так это началось. Не с короны. Не с войны. Не с Фиолетовой Луны. С маленького зверька, которого любили и бросили в лаву, потому что нужно было открыть дверь. И дверь открылась. А то, что вошло в неё первым, с тех пор называет себя пламенем.

Голос за моим плечом молчал. Долго. Так долго, что я по-

думала, он ушёл.

Потом он сказал — тихо, совсем не так, как говорил обычно:

Я была рядом, когда он умирал. Я была в стекле. Я ничего не могла сделать. Я только смотрела. И когда он перестал быть, я осталась. Я — то, что осталось.

— Ты — то, что съело то, что осталось, — сказал Миндрах.

Может быть, — ответил голос. *А может быть, это одно и то же.*

* * *

Я сидела перед зеркалом, и мне было так холодно, будто я сама лежала в той лаве.

Я думала об Алзоре. О фиолетовом силуэте, который всегда появлялся на краю зрения, когда в мире что-то ломалось. О божестве, которое умеет слушать своих детей. О его розовых глазах — их видели немногие, но я видела однажды, близко, и запомнила.

Я думала: неужели и он когда-то сидел над чертежами, и у него на столе спал маленький зверёк, и он гладил его, не отрываясь. И неужели и он однажды решил, что дверь важнее.

И я думала о фиолетовом пламени. О том, что живёт под моим сердцем с той ночи, когда я очнулась в пепле. О том, что Йфрайт называл даром, а Велес — Адским пламенем. О

том, что оно тоже фиолетовое.

Я положила ладонь на грудь. Там было тепло. Ровное, спокойное, знакомое тепло, которое всегда со мной.

— Ты — это оно? — спросила я. Шёпотом. Не зеркало. Себя.

Тепло не ответило.

Но в стекле, на миг, на самом краю, мне показалось, что кто-то улыбнулся моими губами.

* * *

После этой ночи зеркало молчало долго. Почти год. Я подходила к нему каждый вечер и видела только себя. Потом перестала подходить.

Оно заговорило снова, когда всё уже кончилось. Когда не было ни Обители, ни отца, ни меня самой в том виде, в каком я была. Эти страницы — две последние маски — я записала потом, другой рукой, и положу их в самый конец. Туда, где им место.

А сейчас я возвращаюсь в Альказак. К Фракталу. К пленным. К тем, кого Миндрах называл чужими именами и кого я знала в лицо.

Часть третья. Лорды тьмы

Глава 14. Высокая Темница

Красный дракон бил Гертруду так, как бьют тряпичную куклу.

Она висела у него в когтях, и синие латы на ней лопались с сухим треском, пластина за пластиной. Короткая боевая юбка из кольчужных колец порвалась на боку. Шлем давно слетел. Рыжеватые волосы, стянутые на затылке, растрепались, и дракон мотал её из стороны в сторону, и с каждым рывком её голова откидывалась назад, а топор в руке всё не разжимался.

— Держи её! — орал Макс. — Гарри, держи её, я зайду с хвоста!

Гарри держал. Насколько можно держать то, что находится в когтях у зверя размером с городскую башню. Он вцепился в драконью лапу, в чешую, горячую, как железо из горна, и рубил по суставу, и меч отскакивал, и он рубил снова. За спиной кричала Сигна. Кто-то из новичков, кажется Тоби, бросил в дракона склянку с огнём и, конечно, промазал — огонь растёкся по золоту, и сокровищница вспыхнула жёлтыми бликами, так что на миг стало светло, как днём.

Высокая Темница Дэстри. Сокровищница на самом дне.

Клан «Семья» шёл к ней полгода. Полгода копили на зелья, на свитки, на нового целителя. Полгода Гертруда говорила: вот откроем сокровищницу, и всё изменится. Будет академия. Будет лечебница. Будет крыша, которая не течёт.

Теперь Гертруда висела в когтях, а крыша над сокровищницей была из чистого камня и не текла, и от этого почему-то было ещё страшнее.

— Парирование! — крикнул Гарри и вложил в удар всё, что было.

И тут всё изменилось.

* * *

У самых драконьих лап, прямо на груде монет, воздух лопнул.

Не так, как лопается воздух от заклинания. Иначе. Будто кто-то разорвал холст, и за ним оказался другой холст, с другой картинкой. Края разрыва светились бледным, и из него вышли двое. Молодые. В одежде, какой Гарри никогда не видел: длинные мантии странного кроя, с высокими воротниками, с нашивками, похожими на гербы. Один — светловолосый, растрёпанный, лет восемнадцати, с наглым лицом. Второй — постарше, тоньше, с узким бледным лицом, тёмными глазами и белыми, почти седыми прядями у висков.

За ними из разрыва выскочили две девушки. Тонкие,

гибкие, одинаковые, как близнецы, с клинками в обеих руках. Они не разговаривали между собой. Они играли. Гонялись друг за другом по грудам золота, смеялись беззвучно, и клинки их чертили в воздухе быстрые серебряные петли.

— …а я тебе говорю, в Холдинге второй сундук был, — говорил светловолосый, не глядя по сторонам. — Ты просто не туда смотрел. Там копия Адского пламени, я сам видел описание, если бы мы…

Светловолосый поднял глаза. Увидел дракона. Увидел Гертруду в когтях.

— Гром и молния! — заорал он, и это было не ругательство.

Две шаровые молнии сорвались с его ладоней и врезались дракону в морду. Зверь взревел. Девушки-близнецы, не переставая улыбаться, рванулись вперёд, взлетели по драконьей лапе, как по лестнице, и вонзили клинки ему в шею. Одна — слева. Другая — справа.

Дракон разжал когти.

Гертруда упала на золото. Перекатилась. Встала. Шатаясь, побежала — не от дракона, а к Гарри, и врезалась в него, и он обнял её, всю, вместе с топором, вместе с треснувшими латами.

— Что происходит, милый? — Она дрожала. — Кто они? Что у них за одежда?

— Не знаю, — сказал Гарри. Он смотрел на чужаков и не мог отвести глаз. — Не знаю.

Два мага работали быстро. Вспышки, вспышки, вспышки. Тот, что с седыми прядями, что-то выкрикивал, коротко, сухо, и вокруг него кружились полупрозрачные звери из света — эфирные бестии, догадался Гарри, он слышал о таких от торговцев, но никогда не видел. Светловолосый бил молниями. Близнецы резали. Через минуту дракон, которого «Семья» не могла одолеть полдня, лежал на груде монет и больше не двигался.

Светловолосый подошёл к нему, поднял с золота длинный меч с гардой в виде драконьих крыльев. Покрутил в руке. Свистнул.

— Не думал, что в этой темнице драконы бывают, — сказал он. — Братан, чё-то я не понял…

— Карта огня: феникс!

Голос был третий. Ни Гарри, ни маги его не ждали.

Из тёмного угла сокровищницы вылетела маленькая огненная птица. Безобидная, с ладонь величиной. Она сделала круг под потолком, и в её свете стало видно человека, стоявшего у стены. Чёрное одеяние. Капюшон. Лицо в тени.

— Ну вот, феникс, теперь мы всех видим, — сказал человек и погладил птицу, когда она села ему на руку. Не обжёгся.

* * *

— Кто вы все такие? — крикнул Гарри.

Голос у него был такой, что «Семья» за его спиной разом взялась за оружие. Мечи, топоры, дубины. Тридцать человек. Против троих магов и двух девиц с клинками. Против того, кто сразу убил их дракона.

— А вы кто? — отозвался маг с белыми прядями. Голос у него был тихий, бархатный. — Мы из Андера. Нас в Квазаре ждали. В таверне. Мы задание хотели выполнить.

— Квазар? — переспросил Макс. — Это где?

Маг посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Ладно, — сказал человек в капюшоне. — Так уж и быть. Откроюсь первым.

Он вышел на свет. Феникс перебрался ему на плечо и прожёг на ткани чёрное пятно. Человек откинул капюшон. Голубые глаза. Короткие зелёные волосы, зачёсанные набок. Лицо весёлое и немного растерянное.

— Я Лист, — сказал он. — Повелитель стихий. Сражаюсь картами. Ради удовольствия, если честно. Прибыл сюда не по своей воле. Понятия не имею, как сюда попал. Только что сидел в Драгонгарде, в библиотеке, раскладывал пасьянс. А теперь здесь.

— Мы — Разрушители, — сказал Гарри. Гордо, как говорил всегда. И обнял Гертруду крепче. — Клан «Семья». Это наш мир. Дэстри. И я немного в шоке, как вы сюда прибыли. И зачем.

— Той же цели мы и сами не знаем, — улыбнулся светловолосый. И поднял драконий меч. — Но эту вещь я оставлю

себе. Я его на аукционе за такую цену сбагрю…

— Эй, умник, — окликнул его Лист. — Ты понимаешь, что нет больше твоего аукциона? Ты сначала подумай, как в свой мир вернёшься. А потом уже про товар.

— Меня Антон зовут, если что, — сказал светловолосый. Злобно. — И знаешь, я этим же мечом тебя и зарежу.

Одна из девушек-близнецов перестала играть. Подошла к Антону. Встала у его плеча. Оскалила зубы на Листа — мелкие, острые, совсем не человеческие.

— Мелисса, не тронь, — сказал маг с белыми прядями. Тихо, но так, что девушка сразу опустила клинки. — Меня зовут Каин. Каин Кэрриган. Мне бы хотелось вернуться домой. Но я не представляю как.

— Так что, будешь махаться? — Антон уже не слушал. — Приток силы!

Вокруг него поднялась магическая аура, плотная, гудящая.

— Антон, дурак, остановись! — Каин вскинул руки. — Сферы Арканы!

— Карта земли: защита листьев! — крикнул Лист, и вокруг него выросла стена из каменных листьев, острых, как черепица.

— Перестаньте, мальчики! — крикнула Гертруда.

И вырвалась из рук Гарри. И бросилась между ними. С топором, в треснувших латах, уклоняясь на бегу, как умела только она.

— Гера! — заорал Гарри.

* * *

Три магии сомкнулись в одной точке.

Эфир. Молния. Карты. Четыре человека из трёх разных миров стояли так близко, что могли бы взяться за руки. И в центре, там, где сошлись их удары, воздух не лопнул, как раньше, а начал складываться. Внутрь себя. Слоями. Как складывается бумажный веер, как сворачивается крыло бабочки. Узор повторял узор, и тот повторял ещё один, меньше, и ещё, и ещё, бесконечно, и Гарри смотрел в этот узор и чувствовал, что падает в него, хотя стоит на месте.

Шаровой взрыв.

Вспышка.

* * *

Гарри очнулся на золоте.

Он лежал на спине, и над ним был каменный потолок сокровищницы, и где-то рядом ревел дракон. Он сел. Огляделся. «Семья» сражалась с красным драконом. Макс заходил с хвоста. Сигна кричала. Тоби бросил склянку с огнём и промазал.

Видать, не спал, — подумал Гарри и улыбнулся. Схватил меч. Вскочил. Огляделся снова, пересчитывая своих.

Кого-то не хватало.

— Ребята! — крикнул он. — А где Гертруда?

Макс обернулся на бегу.

— Кто?

— Гертруда! Гера! Она же… она только что была у дракона…

Клан переглядывался. Удивлённо. Кто-то засмеялся.

— Гарри, — сказал Макс. — Тебе выспаться надо. Нет у нас никакой Гертруды. И не было никогда.

Гарри сел на золото. Ноги просто перестали держать.

— Как не было? — сказал он.

* * *

Дракона они победили через восемь часов. Восемь. Гарри не помнил ни одного из них. Помнил только, что бил, бил, бил, и думал о синих латах, лопающихся с сухим треском. Когда дракон рухнул, все ликовали. Целовались — у кого была пара. Делили добычу. Гарри стоял в стороне.

— Макс, — позвал он. — Макс. Кто лидер клана?

Макс посмотрел на него и улыбнулся. Голубоглазый, белокурый, лучший друг. Маршал «Семьи». Человек, который никогда в жизни ему не врал.

— Ты чего, Гарри? У нас нет лидера. Мы единственный клан, который всю жизнь без лидера.

— Это невозможно. Так не бывает. Без лидера клан не

создать.

— Ну вот у нас бывает. — Макс пожал плечами и пошёл к остальным.

Подошла Сигна. Брюнетка, тонкая, с упрямым подбородком. Посмотрела на него внимательно.

— Нашим лидером была Гертруда, — сказал ей Гарри. Почти крикнул. — Сигна. Ты-то должна знать! Ты её сестра!

Сигна остановилась.

Гарри видел, как что-то меняется у неё на лице. Не узнавание. Догадка. Будто она давно подозревала что-то и боялась это сказать вслух. Она взяла его под руку. Наклонилась к нему, близко, и сказала громко, чтобы слышали все, с хитрой улыбкой:

— Пойдём-ка в сокровищницу, любимый. Поговорим наедине.

Клан засмеялся. Кто-то присвистнул. «Семья» пошла к выходу из Темницы, а Гарри и Сигна — назад, вглубь, туда, где пахло гарью и драконьей кровью.

* * *

Там, у груды монет, где всё случилось, Сигна отпустила его руку.

— Не бойся, — сказала она. Совсем другим голосом. — Я не сошла с ума. И ты не сошёл. Я помню. Не так, как ты. Обрывками. Как сон, который пытаешься вспомнить утром.

Но помню.

Гарри выдохнул.

— И то, как Гертруда побежала к ним? Ты тоже помнишь?

— Помню. — Сигна села на золото. — Знаешь, что ещё я помню? Год назад она вернулась в замок под утро. Радостная. С золотым слитком в руке. Тысячи на четыре монет. Сказала, ей подарил какой-то парень. Черноволосый. Странный. Сказал, что не любит кланы, что он одиночка. И ещё сказал: «Никогда не забывай хороших людей. Они ещё встретятся тебе в этой жизни».

— Я не помню этого.

— Ты в тот вечер был в дозоре. — Сигна смотрела на свои руки. — Она купила на этот слиток свитки для лечебницы. А потом переименовала клан. В «Семья». Раньше мы назывались «Высшие воины». Ты помнишь?

Гарри молчал. Он помнил. Смутно. Как будто кто-то когда-то давно рассказывал ему об этом.

— Половина клана тогда ушла, — сказала Сигна. — Из-за названия. Сказали, что «Семья» — это для детей. А Гера сказала: пусть уходят. Нам нужны те, кто остаётся.

Она встала. Подошла к стене сокровищницы. Там, у самого пола, в камне была впадина. Неглубокая. Свежая. Края её блестели, будто оплавленные. А посреди впадины лежал валун — круглый, гладкий, тёмный, которого раньше здесь не было.

— Смотри, — сказала Сигна. — Моя сестрёнка и твоя

возлюбленная сейчас где-то там. Не под землёй. Дальше. Я это чувствую. Как чувствуешь сквозняк из щели.

Гарри подошёл. Положил ладонь на валун. Камень был тёплым. И под ладонью, глубоко, как под кожей, что-то пульсировало.

— И что делать?

— Не знаю, — сказала Сигна. — Ударь.

Гарри посмотрел на неё. Потом на меч в своей руке. Потом на валун.

— Если я это сделаю, — сказал он медленно, — мы, может, тоже исчезнем. Для них. Как она.

— Знаю. — Сигна улыбнулась. Криво, через силу. — Ну и пусть. Нам нужны те, кто остаётся. А мы уходим. Значит, нам — туда.

Гарри поставил остриё меча на середину валуна. Взялся обеими руками за рукоять.

— Гарри, — сказала Сигна. — У нас получится.

Он надавил. Изо всех сил. И когда сил не хватило — взял ещё, оттуда, откуда берут разрушители, из злости и из горя, и меч вошёл в камень, как в масло.

Валун треснул. Из трещины ударил свет — бледный, складчатый, узор в узоре.

Гарри и Сигна исчезли.

Из сокровищницы. Из Высокой Темницы. Из Дэстри. И из памяти клана «Семья». Наутро Макс пересчитывал своих и не заметил, что двоих не хватает. Ему казалось, их всегда

было двадцать восемь.

Глава 15. Фрактал в Дэстри

Знахарь проснулся от собственного крика и долго лежал, глядя в потолок, пока сердце не успокоилось.

Сон был тот же. Третью ночь подряд. Темнота, густая, тёплая, пахнущая гнилыми фруктами. И в ней — два красных глаза. Огромные, неподвижные, как угли в печи. Они смотрели на него долго, а потом из темноты приходил голос. Ласковый. Такой ласковый, что от него хотелось свернуться в клубок и заскулить.

Как думаешь, я враг тебе или же друг?

И Знахарь, во сне, хотел ответить, и не мог, потому что не знал ответа. И просыпался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.